

АРХИВ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

13
ТОМ

ЕВРЕЙСКИЙ
МУЗЕЙ
И ЦЕНТР
ТОЛЕРАНТНОСТИ

Сборник

Архив еврейской истории. Том 13

«Библиороссика»

2022

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)

Сборник

Архив еврейской истории. Том 13 / Сборник —
«Библиороссика», 2022

ISBN 978-5-907532-51-9

В 13-й том «Архива еврейской истории» вошли избранные главы из воспоминаний выдающегося юриста начала XX века Бориса Гершуна, «простого человека» Анны Шойхет, «автобиография» которой охватывает первую половину прошлого века, воспоминания Геннадия и Елены Эстрайх об их попытках эмигрировать из СССР, начиная с конца 1970-х. Попытки завершились успехом уже в начале 1990-х. В раздел «исследования» вошли статьи об одном из малоизвестных членов знаменитого клана баронов Гинцбургов — Альфреде, сыне Горация и о народовольце Савелии Златопольском. Альфред Гинцбург был управляющим Ленскими золотыми приисками и внес существенный вклад в развитие российской золотодобывающей промышленности. И, разумеется, в благосостояние семейства. Статья о члене Исполнительного комитета «Народной воли» Савелии Златопольском является по существу первым исследованием об этом видном деятеле революционного движения. В приложении к статье публикуются показания Златопольского на следствии и письма из заключения. Завершают том публикации лагерных писем известного фольклориста и музыковеда Моисея Береговского и транскрипт интервью Бориса Каменко, чудом пережившего Холокост на Ставрополье. Все остальные члены его семьи были расстреляны нацистами. Материалы, публикуемые в настоящем томе, извлечены из архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Нью-Йорка, а также из семейных архивов. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-907532-51-9

© Сборник, 2022
© Библиороссика, 2022

Содержание

О. В. Будницкий	8
Воспоминания	11
О. В. Будницкий	11
Б. Л. Гершун	22
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Архив еврейской истории. Т. 13

гл. ред. О. В. Будницкий

THE JEWISH MUSEUM AND TOLERANCE CENTER
RESEARCH CENTER

Archive

of Jewish History

Volume 13

Editor-in-Chief Oleg Budnitskii

Editorial Board:

Israel Bartal, Gennady Estraikh, David Gaunt, Alexander Kamenskii,

Mikhail Krutikov, Victoria Mochalova, Benjamin Nathans,

Vladimir Petrukhin, Szymon Rudnicki, Gabriella Safran,

Shaul Stampfer, Nikolai Tsymbayev, Steven Zipperstein,

Tatyana Voronina (Associate Editor)

Academic Studies Press

Bibliorossika Moscow / Boston / St. Petersburg

ЕВРЕЙСКИЙ МУЗЕЙ И ЦЕНТР ТОЛЕРАНТНОСТИ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

Архив

еврейской истории

Том 13

Главный редактор О. В. Будницкий

Редакционный совет:

И. Баргаль, Д. Гонт, А. Б. Каменский, М. Крутиков,

В. В. Мочалова, Б. Натанс, В. Я. Петрухин,

Ш. Рудницкий, Г. Сафран, Н. И. Цимбаев,

С. Ципперштейн, Ш. Штампфер, Г. Эстрайх,

Т. Л. Воронина (ответственный секретарь)

Серийное оформление и оформление обложки Ивана Граве

This book is subject to a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International Public License (CC BY-NC 4.0). To view a copy of this license, visit <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>. Other than as provided by these licenses, no part of this book may be reproduced, transmitted, or displayed by any electronic or mechanical means without permission from the publisher or as permitted by law.

Сборник «Архив еврейской истории» публикуется на условиях лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International Public License (CC BY-NC 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>). За исключением случаев, предусмотренных настоящей лицензией, запрещается полное или частичное воспроизведение и передача настоящего издания какими-либо электронными или механическими средствами без письменного согласия издателя, если иное не разрешено законом.

© Еврейский музей и центр толерантности, 2022

© Academic Studies Press, 2022

© Оформление и макет, ООО «Библиороссика», 2022

* * *

О. В. Будницкий **От редактора**

13-й том «Архива еврейской истории» открывается публикацией избранных глав обширных мемуаров Бориса Львовича Гершуна (1870–1954), озаглавленных им «Воспоминания русского адвоката». Автор этих строк обнаружил рукопись воспоминаний Гершуна (свыше 800 рукописных страниц!) в Бахметевском архиве русской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке. Первые же страницы показались мне настолько интересными, что «пришлось» переснять рукопись в надежде когда-нибудь опубликовать текст мемуаров полностью. Борис Гершун принадлежал к «племени» русских евреев, и его записки среди прочего очень живо воспроизводят, говоря ученым языком, процессы аккультурации и модернизации российского еврейства. Фрагменты о его еврейском детстве в Вильно включены, наряду с эпизодами профессиональной деятельности Гершуна, в настоящую публикацию. Борис Гершун входил в число выдающихся русских юристов начала XX века. Он служил в Сенате, затем был юрисконсультom многих предприятий, а также великих князей Кирилла, Андрея и Бориса Владимировичей, участвовал в ряде крупных гражданских процессов. В 1918 году Гершун был вынужден эмигрировать, сначала в Германию (1918–1933), затем во Францию (1933–1954). Его авторитет среди коллег был чрезвычайно высок: Гершун избирался председателем Совета присяжных поверенных в Петрограде, а также профессиональных союзов русских адвокатов в Германии и Франции. Его воспоминания были написаны в 1936–1939 годах во Франции. Воспоминания Б. Л. Гершуна – уникальный источник по истории русского суда, русской адвокатуры, быта и нравов русского общества конца XIX – начала XX века. Галерея «портретов» российских адвокатов, судебных деятелей, да и просто видных фигур, от великого князя Андрея Владимировича до знаменитого авантюриста «Митьки» Рубинштейна, «портретов», очень далеких от иконописных, не имеет себе равных. Воспоминания Б. Л. Гершуна – не только исторический источник, это великолепный образец русской мемуарной прозы и весьма увлекательное чтение.

«Автобиография» Анны (Ханы) Моисеевны Шойхет (урожденной Резник, 1900–1995) – это, в отличие от воспоминаний знаменитого адвоката, мемуары так называемого «простого» человека. Как справедливо замечает автор вводной статьи к публикации Валерий Дымшиц (Санкт-Петербург),

такие мемуары встречаются реже, чем записки людей, чем-либо прославившихся, но часто гораздо точнее доносят ощущение эпохи. Из них можно не только понять, но и почувствовать, что сохраняли (семейственность, жизнестойкость и оптимизм) и с чем, не задумываясь, расставались (язык и религия) в процессе стремительной модернизации русские евреи; как происходило превращение обывателей из черты оседлости в советских евреев – жителей мегаполисов.

Анна Шойхет писала свою «Автобиографию» неспешно, с 1986 по 1989 год. Писала по просьбе внука Павла Фишеля, младшего сына ее единственной дочери Марины. Ее старший внук, Тимур Фишель (Таллин)¹, подготовил рукопись «Автобиографии» к печати, а Валерий Дымшиц снабдил подробным комментарием. Мемуаристка подробно изложила запомнившиеся ей события своей жизни, начиная с раннего детства и заканчивая возвращением в Киев после окончания Великой Отечественной войны.

¹ См. весьма интересные воспоминания Тимура Фишеля о его семье и собственном жизненном пути: https://www.ejc.ee/templates/articlecco_cdo/aid/1449501/jewish/- .htm (дата обращения: 24.08.2022).

История недавнего прошлого, можно сказать нашего времени, воспринимается нередко как нечто общеизвестное: раз мы это знаем и помним, значит, это как бы не история. К числу таких «общеизвестных» событий относится еврейская эмиграция из СССР и затем из бывших советских республик. Хотя об этом немало написано, но детали как будто недавних событий забываются, очень часто – вольно и невольно – мифологизируются. Очень важно сохранить живую память об «общеизвестном», ибо никакие официальные документы не сохраняют реалии, детали, аромат (иногда не слишком приятный) времени. И здесь историк не должен ждать милостей от природы: исторические источники надо не только находить, их надо создавать. К примеру – просить бабушку, как это сделал Павел Фишель, записать, что помнится. Ну а в случае еврейской эмиграции необязательно обращаться к бабушке. Как в песне – по другому поводу – «обращусь я к друзьям...» Друзья, а ну-ка, вспомните, что там и как происходило, когда вы собрались покинуть страну социализма. Вот автор этих строк и обратился к друзьям – профессору Нью-Йоркского университета Геннадию Эстрайху и до недавнего времени руководителю проекта по компьютерной каталогизации периодических изданий знаменитой Бодлеанской библиотеки Оксфордского университета Елене Эстрайх – как написал бы Исаак Бабель, жене вышеизложенного Геннадия. Долго ли, коротко ли, но воспоминания – весьма живые и занимательные – были написаны и предлагаются вниманию читателей этого тома.

Елена и Геннадий Эстрайх решили подать документы на выезд из СССР на пике еврейской эмиграции, в 1979 году, но их надеждам в скором времени покинуть страну не суждено было сбыться. Они оказались в категории, получившей название «отказники». Причину отказа им так никогда и не сообщили. Была такая замечательная формула: «Ваш отъезд признан нецелесообразным», причем сообщалось это заявителям устно. В отличие от многих других подавших на выезд в Израиль, Геннадию удалось сохранить место работы и даже получать повышения в должности. Елена тоже со временем устроилась на работу по специальности. В воспоминаниях, написанных четыре десятилетия спустя, отсутствует элемент «героизации». Это, скорее, картинки из жизни советской еврейской семьи с конца 1970-х годов.

Статья Ирены Владимирски (Беэр Тувия, Израиль) и Марии Кротовой (Санкт-Петербург) посвящена одному из членов клана Гинцбургов – барону Альфреду Горациевичу Гинцбургу, до настоящего времени остающемуся в тени своих знаменитых родственников. В работах, в которых упоминается имя Альфреда Гинцбурга, вышедших как в России, так и за рубежом, встречается много неточностей; в его биографии немало моментов, требующих изучения и уточнения. Многочисленная литература по печально известным событиям, произошедшим на приисках Гинцбургов весной 1912 года (Ленский расстрел), также практически не затрагивает имя Альфреда Гинцбурга, несмотря на занимаемый им пост директора-распорядителя акционерного общества «Ленское золотопромышленное товарищество». Из всей большой семьи Гинцбургов Альфред Горациевич был единственным управленцем-практиком, часто и подолгу бывавшим в далекой Олекминско-Витимской тайге, где он работал на принадлежащих Гинцбургам золотых приисках. Альфред Гинцбург сыграл большую роль в реорганизации и разработке новых подходов к постановке, ведению и техническому оснащению золотопромышленного дела применительно к российским климатическим и географическим условиям. В статье на основе малоизвестных и впервые вводимых в научный оборот архивных документов и материалов не только уточняются отдельные моменты биографии, но и оценивается вклад Альфреда Гинцбурга в развитие золотопромышленного дела в Российской империи как управленца-практика и постоянного члена и соучредителя профессиональных организаций золото- и платинопромышленников.

Обширная статья Марии Барабановой (Москва) посвящена Савелию Златопольскому (1856/57–1885), члену Исполнительного комитета «Народной воли», незаслуженно обойденному вниманием исследователей. Статья продолжает изучение темы «евреи и русская революция» и является (хотя никакого «умысла» ни автора, ни редактора в этом нет) как будто

продолжением сюжетной линии о евреях в составе «Народной воли», начатой в предыдущем томе статьей Григория Кана о члене Исполнительного комитета «Народной воли» Аароне Зунделевиче². Статья М. А. Барабановой предваряет публикацию показаний и писем Златопольского. Публикация включает полные показания Златопольского, его конспиративные записки из Петропавловской крепости на волю и три письма родным. Материал этот важен тем, что способствует не только пониманию эпохи, особенностей революционного движения, но главное – пониманию воззрений самого Златопольского, не оставившего ни дневников, ни воспоминаний. Примкнув к революционному движению еще в 1870-е годы, он во многом стоял особняком: его политические и социальные взгляды не были похожи на воззрения революционной молодежи той эпохи. По своим воззрениям он был почти отщепенцем, отрицавшим готовность крестьянства к массовому восстанию и, соответственно, смысл «хождения в народ». Полностью Златопольский отдает себя революционному движению только тогда, когда оно ставит перед собой политические задачи. Став членом народовольческой организации, признавая терроризм как метод революционной борьбы, он являлся во многом прежде всего политическим радикалом, ставящим первой задачей революционного движения достижение демократии, а не социалистические преобразования.

Завершают том две обширные публикации. Евгения Хаздан (Санкт-Петербург) публикует лагерные письма известного фольклориста Моисея (Арона-Мойше) Яковлевича Береговского (1892–1961), посвятившего свою жизнь исследованию музыкальной культуры восточноевропейских евреев. Береговский был арестован в Киеве 18 августа 1950 года, в период кампании против «безродных космополитов». Обвинения были соответствующие: «Вы подчинили работу фольклорного отдела националистическим целям, организовывали в институте экспедиции по сбору старых еврейских синагогальных песнопений и националистических преданий». Чем не преступная деятельность? Береговского приговорили к 10 годам заключения в лагерях особого режима, освободили 18 марта 1955 года по состоянию здоровья. Публикуемые письма хранятся в Кабинете рукописей Российского института истории искусств в Санкт-Петербурге.

Ирина Реброва (Берлин) публикует транскрипт интервью Бориса Львовича Каменко, записанного в 1997 году Еленой Леменовой в рамках реализации проекта Стивена Спилберга. История Бориса Каменко – история со счастливым концом, ибо он пережил Холокост. Везение же (не знаю, брать ли в этом случае слово «везение» в кавычки или нет) его заключалось в том, что Бориса в числе 30 физически крепких молодых евреев отобрали для того, чтобы закапывать могилы расстрелянных ставропольских евреев. Среди них была вся его семья: отец – ученый-биолог, доцент Ставропольского медицинского института, мать, младшая сестра и бабушка. Их расстреляли 15 августа 1942 года. Мать Бориса Каменко расстреляли несмотря на то, что она была украинкой³. Бориса Каменко оставили на некоторое время в живых для использования на тяжелых физических работах, однако ему удалось бежать из гестаповской тюрьмы. Публикация транскрипта интервью сопровождается вступительной статьей и подробным комментарием.

Обзор содержания тома завершу традиционным призывом: читайте «Архив еврейской истории»! Как этот том, который вы держите в руках, так и предыдущую дюжину.

² Кан Г. С. Аарон Зунделевич: от раввинского училища к «Народной воле» // Архив еврейской истории. Т. 12. М., 2022. С. 128–229.

³ См.: Заявление Б. Л. Каменко об уничтожении немецко-фашистскими оккупантами еврейского населения г. Ставрополя, 24 февраля 1943 года // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 269. Оп. 1. Д. 26. Л. 115. Доступно на сайте Федерального архивного проекта «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»: <https://victims.rusar-chives.ru/zayavlenie-bl-kamenko-ob-unichtozhenii-nemecko-fashistskimi-okkupantami-evreyskogo-naseleniya-g> (дата обращения: 24.08.2022).

Воспоминания

О. В. Будницкий

Б. Л. Гершун – юрист и общественный деятель

Борис Львович Гершун (1870–1954), бесспорно, принадлежал к числу выдающихся русских юристов и общественных деятелей. Его имя, столь известное среди российских юристов начала XX века, и в особенности – среди членов русской «адвокатуры в изгнании», не на слуху у более широкой, даже просвещенной публики. Объясняется это, очевидно, тем, что Гершун был цивилистом – занимался гражданскими, а не уголовными или политическими делами, привлекающими обычно больший интерес. Он был членом партии кадетов, однако не был особенно активен в политике. Его профессиональный авторитет, так же как мнение о его человеческих качествах были весьма высоки среди коллег. Не случайно они избрали его сначала членом Совета присяжных поверенных в Петрограде, а затем его председателем. Последним председателем – Совет просуществовал год после прихода к власти большевиков и был распущен за бессмысленность его существования в условиях фактической замены законов «революционным правосознанием». В эмиграции коллеги избрали Гершуна сначала председателем Союза русских присяжных поверенных в Германии, а затем, после его переезда во Францию, – председателем Объединения русских адвокатов в этой стране. «Воспоминания русского адвоката», написанные Гершуном в эмиграции, на мой взгляд, сопоставимы со знаменитыми мемуарами А. Ф. Кони («На жизненном пути»), а по остроте и яркости некоторых характеристик их превосходят. Между тем из этого объемистого текста (рукопись – свыше 800 страниц убогим почерком) увидел свет лишь небольшой фрагмент⁴. Воспоминания Бориса Гершуна – не только уникальный источник по истории русского суда, русской адвокатуры, быта и нравов русского общества конца XIX – начала XX века, но и весьма увлекательное чтение. Ну а галерея «портретов» российских адвокатов, судебных деятелей, да и просто видных фигур, от великого князя Андрея Владимировича, чьим юрисконсультантом был Гершун, до знаменитого авантюриста «Митьки» Рубинштейна, «портретов», очень далеких от иконописных, не имеет себе равных.

Ниже – об основных вехах жизненного пути Бориса Гершуна; пунктиром – о дореволюционном периоде, ибо о многом говорится в его мемуарах, некоторые главы которых публикуются ниже, несколько подробнее – о его делах и днях в эмиграции. Разумеется, эта статья, предваряющая публикацию, не заменяет научную биографию Гершуна, которую он, на мой взгляд, вполне заслуживает.

Если говорить о понятии «русский еврей», то Гершун был, вероятно, одним из наиболее характерных представителей этого своеобразного племени. Хотя он родился (Соколки) и вырос (Вильно) в черте еврейской оседлости, он был человеком русской культуры: его семья далеко отошла от традиционного еврейства, и еще дед по отцовской линии, оптовый торговец сукном, отдал своих старших сыновей, втайне от религиозной жены, в русскую гимназию. Бедняжка думала, что дети ходят в хедер, а они переодевались в гимназические мундиры в доме знакомых и шли совсем в другое учебное заведение. Затем отец и двое дядей Бориса отправились учиться в Московский университет, на медицинский факультет. Дед со стороны матери, оптовый торговец лесом, отправлял своих детей учиться в Кенигсберг. Там София Шерешевская, будущая Гершун, окончила «средне-учебное заведение». Она говорила по-немецки и по-

⁴ Гершун Б. Л. Воспоминания адвоката // Новый журнал. 1955. Кн. 43. С. 134–152.

французски и русскому языку научилась только после замужества, однако никогда им хорошо не владела: с детьми говорила и переписывалась по-немецки⁵.

По словам Бориса Гершуна, в его семье «не велась кошерная кухня», он не помнил родителей идущими в синагогу, «еврейские праздники, даже Йом-кипур, не отличались от будних дней, – зато праздновалось Рождество, устанавливалась елка с подарками, на Пасху появлялись на столе рядом с мацой и изюмным вином <...> куличи, пасха, ветчина». В субботу доктор Гершун, ссылаясь на срочность врачебных визитов, разъезжал по больным на извозчике так же, как и в будние дни. Домашним языком из-за матери был немецкий, в некоторые дни говорили по-французски. Детям строго запрещалось говорить на «жаргоне», то есть идише, «разговорном языке всей Вильны». В результате, живя в Вильне, Борис не знал идиша, и так никогда и не научился на нем говорить.

Отец Бориса, Лев Яковлевич Гершун (1836–1898), начавший профессиональную карьеру в качестве уездного врача в Соколках, в 1877 году получил назначение ординатором городской еврейской больницы Вильно; в 1891 году он стал старшим врачом этой больницы, с производством в статские советники. В 1888 году Борис Гершун с серебряной медалью окончил 1-ю Виленскую гимназию. В том же году он поступил в Петербургский университет на юридический факультет. Для еврея, даже «из хорошей семьи», это было непросто ввиду установленной за год до этого процентной нормы для евреев. В Петербургский университет их могло быть принято не более 3 %. Помогли хлопоты отца, который все-таки был почти «штатским генералом» (чин статского советника соответствовал чину бригадира, правда, к тому времени уже упраздненному, в армии или должности вице-директора департамента или вице-губернатора в гражданской службе). Гершуна приняли в университет по приказу министра народного просвещения И. Д. Делянова – того самого, распоряжением которого была введена процентная норма. Окончил Гершун университет в 1894 году с дипломом 1-й степени⁶.

Старший брат Б. Л. Гершуна, Александр Львович Гершун (1868–1915), также выпускник Петербургского университета, но по физико-математическому факультету, был ученым-физиком и инженером, крупным специалистом в области прикладной оптики, электромагнетизма, радиоактивности, основателем российской оптической промышленности.

После окончания университета по заключению выдающегося юриста профессора Н. Л. Дювернуа Б. Л. Гершун «был признан заслуживающим оставления при университете по кафедре гражданского права для подготовки к ученому званию». Однако юного юриста влекла практическая деятельность. Он поступил на службу в 4-й департамент Правительствующего Сената на должность помощника обер-секретаря и провел в Сенате в этом качестве 15 месяцев. Здесь Гершун проявил себя как толковый юрист и набрался опыта. Особенно он отличился при рассмотрении дела о несостоятельности сибирской купчихи Варыпаевой. Безнадежно запутанное дело лежало в канцелярии уже 15 лет и составляло 20 томов! Гершуна освободили от всяких других обязанностей на месяц, и он сумел-таки разобраться в деле и подготовить проект сенатского решения. Первоприсутствующий оценил мастерство начинающего коллеги и предложил выдать ему награду. Обер-прокурор 4-го департамента П. П. Кобылинский назначил в качестве премии немаленькую по тем временам сумму – 300 рублей, однако заявил, по воспоминаниям Гершуна: «Но я Вас вижу насквозь: Вы здесь не останетесь, Вас, несомненно, перетянет в адвокатуру, и Вы будете правы. Получив 300 рублей, Вы немедленно удерете. Нет уж, голубчик, будете получать эту награду по 25 рублей в месяц»⁷. Однако вскоре, осенью

⁵ Здесь и далее сведения, если это специально не оговорено, почерпнуты из «Воспоминаний русского адвоката» Б. Л. Гершуна.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-5986. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1. Автобиография Б. Л. Гершуна, написанная для Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге, 1934 год.

⁷ Гершун Б. Л. Воспоминания адвоката. С. 136.

1895 года, сам же Кобылинский рекомендовал Гершуна своему приятелю, известному адвокату В. Н. Герарду.

После недолгой службы в Сенате, а затем работы помощником В. Н. Герарда в 1899 году Гершун отправился в самостоятельное «плавание». Его карьера была блистательной. Гершун стал присяжным поверенным Санкт-Петербургской судебной палаты, в 1906–1917 годах был присяжным стряпчим⁸ Санкт-Петербургского коммерческого суда. Он был юрисконсультом множества торгово-промышленных предприятий, а также великих князей Бориса и Андрея Владимировичей. К 1917 году Гершун владел 17 юрисконсульствами; входил в правления бельгийского Общества доменных печей и фабрик на Ольховой, Общества для постройки экономических путей сообщения и механических приспособлений «Артур Кеппель (Коппель)», Русского общества полевых и узкоколейных путей «Паровоз» и, очевидно, был небедным человеком. Гершун занимался также благотворительной деятельностью: оказывал бесплатную юридическую помощь, был казначеем Общества защиты детей от жестокого обращения. Его профессиональные и человеческие качества нашли признание у коллег: он руководил конференцией помощников присяжных поверенных, был членом Совета присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты, после Февральской революции был избран его председателем⁹.

«Момент истины» наступил для присяжных поверенных после большевистского переворота. В итоге адвокаты, по крайней мере большинство из них, решили не становиться советскими «защитниками», наличие университетского диплома у которых власть поначалу не считала обязательным. Понятно, что Гершун был несовместим с властью, упразднившей русскую присяжную адвокатуру¹⁰. В октябре 1918 года он уехал из Петрограда в Вильно, а в конце года перебрался в Берлин, чтобы провести там последующие 15 лет своей жизни¹¹.

В Берлине у Гершуна была солидная практика, которая все же не могла идти в сравнение с практикой петербургского периода. Среди его клиентов были самые разные люди: от торговцев А. Г. Айзенштадта и М. Л. Гешеля, между которыми возникла тяжба о расчетах при продаже бочек табаку, до известного издателя З. И. Гржебина¹² и графини Брасовой, вдовы великого князя Михаила Александровича. Графиня унаследовала лес, принадлежавший некогда великому князю, а Гершун помогал ей взыскать деньги с неких немецких купцов, эксплуатировавших лес, оказавшийся в период Первой мировой войны на оккупированной германскими войсками территории¹³. Кроме практики Гершун занимался также и теорией – опубликовал несколько статей на юридические темы в германских специальных юридических изданиях.

Гершун не был особенно активен в эмигрантской политике, хотя входил в берлинскую группу Партии народной свободы (кадетов). Большую часть времени он уделял общественной, нежели политической деятельности, в особенности защите интересов русских беженцев и объединению (в том числе и с целью защиты интересов беженцев) русских юристов за границей.

⁸ Присяжный стряпчий – в Российской империи поверенный по делам частных лиц в коммерческом суде.

⁹ Гершун Борис Львович // *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000 гг.: энциклопедический словарь. М., 2001. С. 235.

¹⁰ Ликвидация адвокатуры была провозглашена первым советским законодательным актом о суде – Декретом о суде № 1, принятым 22 ноября 1917 года. О жизни присяжных поверенных в первый год советской власти, ставший последним годом существования адвокатуры как сословия, то есть профессиональной общности, см. воспоминания Б. Л. Гершуна «Последний год Петроградской адвокатуры»: ГАРФ. Ф. Р-5986. Оп. 1. Д. 1 в. Л. 417. См. также: *Гершун Б. Л.* Воспоминания адвоката. С. 147–152.

¹¹ В 1920 году Гершун принял приглашение стать юрисконсультом русского Балтийского банка в Копенгагене. Однако уже весной 1921 года банк, в том числе по его настоянию, был ликвидирован, и Гершун вернулся в Берлин. По-видимому, он изначально не слишком верил в надежность банка, и оставил семью в Берлине (ГАРФ. Ф. Р-5986. Оп. 1. Д. 1а. Л. 3).

¹² Гершуну пришлось вести переговоры с кредиторами Гржебина и заниматься ликвидацией этого некогда крупнейшего эмигрантского издательства. См. об этом подробнее: *Янгиров Р.* Из истории русской зарубежной печати и книгоиздательства 1920-х годов (По новым материалам) // *Диаспора: Новые материалы.* Т. 6. Париж; СПб., 2004. С. 571–573.

¹³ Материалы более 400 дел, которые Гершун вел в период эмиграции в Германии, были переданы им в РЗИА и находятся сейчас в его личном фонде в ГАРФ: Ф. Р-5986.

В июне 1920 года он был инициатором, совместно с И. В. Гессеном, И. М. Рабиновичем и М. Д. Ратнером, создания Союза русских присяжных поверенных в Германии. В 1921 году Гершун был избран членом Совета русских общественных организаций в Берлине, в 1923-м – членом правления Общества помощи русским гражданам в Германии, в 1925 году был кооптирован в состав постоянного русского третейского суда в Берлине (предназначенного для урегулирования споров между русскими эмигрантами в досудебном порядке). Кроме того, он был председателем берлинского отделения Комитета съездов русских юристов за границей, инициатором и одним из организаторов Съезда русских юристов за границей (1922), членом Союза русских евреев, германского отделения Американского фонда помощи русским литераторам и ученым, Общества друзей русской печати. По «еврейской линии» Гершун вошел также в правление Союза защиты детей русских евреев в Германии¹⁴.

В эмиграции Гершун, человек явно нерелигиозный, выросший в семье, в которой «к вопросам национальным и религиозным относились без всякого интереса», пересмотрел отношение к собственному еврейству. Вскоре после окончания университета он крестился, но вовсе не ради карьеры. Это было условием женитьбы на горячо им любимой с детства кузине, которая «уже родилась православной (ее родители крестились в молодости)». Кузина была еще подростком, но в том, что он на ней женится, Борис не сомневался (в чем не ошибся), так что крестился загодя, тем паче что это облегчало профессиональную карьеру.

Можно было принять протестантство: но пастор требовал, чтобы я в течение месяца занимался у него так называемым «законом Божиим» и «готовился» к крещению. Лицемерить мне не улыбалось ради того, что я считал просто формальностью. Священник отец Слепян (сам происходивший из евреев) согласился без всяких формальностей и «обучения» выдать мне метрику о крещении.

Очевидно, крестил Гершуна Сергей (при рождении Израиль) Слепян, популярный в то время в Петербурге священник.

Этот акт, который теперь я бы ни за что не совершил, – писал Гершун в 1936 году, – я тогда совершил почти машинально, как машинально устраняют ветку, преграждающую дорогу. Со временем – с возрастом – во мне проснулось и зрело сознание моей принадлежности к еврейству; это сознание проявилось с большей силой в эмиграции. До того я был так занят моей профессиональной работой, так захвачен сословными интересами, одно время (1904–1905) так увлечен общероссийскими проблемами, что еврейский вопрос оказался вне моих повседневных интересов. Я никогда не скрывал своего еврейства, называл себя евреем, в анкетах писал: русский подданный, национальность – еврей, вероисповедание – православное. <...> когда я попал в эмиграцию, я сбросил с себя то, что я так несознательно набросил на свою жизнь и что считал и считаю крупнейшим своим прегрешением. Я так же несознательно, как при принятии крещения, с первого дня эмиграции, не задумываясь, записал себя евреем, а жену, как она того желала, православной.

Сын и дочь Гершуна, даже не зная о решении отца, при поступлении в германский университет записали себя иудеями.

После прихода к власти нацистов Гершун уехал во Францию и обосновался в Париже. Он вел обширную переписку с коллегами, как еще остававшимися в Германии, так и перебравшимися в другие европейские страны или за океан. Пожалуй, наиболее интенсивный и содержательный эпистолярный диалог завязался у Гершуна с его младшим товарищем по адвокатскому

¹⁴ Серков А. И. Указ. соч. С. 235.

цеху Алексеем Александровичем Гольденвейзером (1890–1979), в декабре 1937 года уехавшим в США. Откликаясь на послание Гольденвейзера, посвященное его адаптации к жизни в другой стране, Гершун писал:

Итак, Вы в третий раз строите свою жизнь. Такова наша судьба. Жить две, а то и три жизни. Если бы я был моложе, я бы тоже оставил Европу. Здесь повсюду скверно и будущее чревато опасностями¹⁵.

Далеко не юному Гершуну также пришлось начинать третью по счету жизнь, после российской и германской. «Старость заключается в том, – писал он в мае 1938 года, – что человек для окружающих часто умирает раньше, чем наступает его физическая кончина... И комизм заключается в том, что сошедший со сцены внутри еще считает себя актером, а сцены-то уже давно нет»¹⁶.

Однако «на сцене», во всяком случае эмигрантской, Гершуну еще предстояло сыграть немаловажную роль, и не одну. Во Франции он тоже довольно быстро занял видное положение в профессиональном сообществе: в 1939 году был избран товарищем (заместителем) председателя Объединения русских адвокатов во Франции. Председателем был Н. В. Тесленко, в прошлом депутат Государственной думы. В Париже Гершун стал принимать самое живое участие в работе Очага для евреев-беженцев, основанного Т. И. Левиной, а после ее эмиграции в США в 1940 году стал руководителем Очага¹⁷.

Гершун входил еще в одно эмигрантское сообщество – масонскую ложу «Свободная Россия» (достоцитимый мастер в 1939 и 1949 годах). Он принимал участие в посвящении в масоны писателя Романа Гуля, о чем тот рассказал в своих воспоминаниях:

После ритуала посвящения пошли в другую комнату разделить братскую «агапу», то есть братскую трапезу, застолье. Тут уж все братья сняли ленты и передники и уселись за сервированный длинный стол. И за едой (хорошей) начался самый непринужденный, обычный разговор. И это было приятное общество культурных, интеллигентных людей¹⁸.

Это, пожалуй, главное, что можно сказать о масонах, во всяком случае об их парижском клубе. Приписываемая нередко в литературе масонам важная политическая роль, на мой взгляд, сколько-нибудь серьезного подтверждения в источниках не находит.

Вернемся, однако, к эмигрантской переписке. «Как Вам должны казаться теперь далекими наши европейские дела! Рад за Вас, что вы из этой трясины выбрались. По-моему, еще немало пройдет времени, пока здесь наладятся дела. Еще много волнений и потрясений придется пережить европейцам», – пророчески писал Гершун Гольденвейзеру в мае 1938 года¹⁹.

Впрочем, чтобы предсказать европейцам потрясения, не надо было быть пророком. Бывшие берлинцы пристально следили за происходящим в Германии. Гершун, упоминая об изменении германских законов, иронически замечал: «...там идет усердный пересмотр гражданских законов: искоренение либеральных иудо-масонских правовых идей»²⁰.

Гольденвейзер предрекал: «...нынешнее положение в центральной Европе закончится либо дипломатической победой Германии, либо всеобщей войной, которая неминуемо должна

¹⁵ Гершун Б. Л. – Гольденвейзеру А. А., Париж, 25 декабря 1938 года // В движении: Русские евреи-эмигранты накануне и в начале Второй мировой войны / сост. и вступ. ст. О. В. Будницкого. М., 2020. С. 91.

¹⁶ Гершун Б. Л. – Гольденвейзеру А. А., Париж, 15 мая 1938 года // Там же. С. 79–80.

¹⁷ О жизни Б. Л. Гершуна во Франции см. подробнее: *Зеллер В. Ф.* Памяти хорошего человека // Русская мысль. 1954. 28 июня (№ 679). С. 4.

¹⁸ *Гуль Р.* Я унес Россию. Т. 2. Россия во Франции. М., 2001. С. 212.

¹⁹ Гершун Б. Л. – Гольденвейзеру А. А., Париж, 15 мая 1938 года // В движении... С. 81.

²⁰ Там же. С. 80.

повести к всеобщему поражению, обнищанию и вырождению»²¹. Нельзя отказать Гольденвейзеру в проницательности в оценке ближайших перспектив Европы. Вот только сбылись оба его прогноза – и о дипломатической победе Германии, и о войне. Дипломатическая победа Германии, получившей по мюнхенскому соглашению Судетскую область, оказалась не альтернативой войне, а ступенькой к ней.

Гершун писал о Париже в дни чехословацкого (мюнхенского) кризиса:

Париж в эти дни опустел. В доме, где мы жили, остались только некоторые мужчины и прислуга. На улице видны были такси и частные автомобили, нагруженные людьми и вещами: все бежало из Парижа. Деловая жизнь остановилась. Картина незабываемая: предвкушение будущей войны. Мобилизация проходила здесь – в Париже – не особенно гладко. Люди оставались кое-где по три дня без крова и пищи. И вдруг... мир. Истерическая радость населения, считавшего войну неизбежной, в сущности начавшейся – благословения, посылаемые Чемберлену, который на несколько дней стал героем. Затем... похмелье. Сознание, что и Франция, и Англия, и главным образом Чехословакия стали жертвами блефа и шантажа. И радость омрачилась сознанием стыда и обиды. Теперь Франция не поддастся блефу, вооружается вовсю, но к войне еще далеко не готова. Политика Чемберлена была, конечно, мудра, но есть моменты, когда ум ценнее мудрости. Во Франции молодежь была за войну... А победителем вышел Гитлер, воссоздатель Великой Германии, и это так, как бы англичане и французы ни кусали бы себе пальцы.

А то, что теперь рассказывают беженцы из Германии и Австрии, так ужасно, так невероятно, что не допускаешь мысли, что это возможно...

Вот Вам бледная картина тех переживаний, которые нам выпали и выпадают на долю. И каждый день приносит какую-нибудь новую гадость с той стороны Рейна²².

Адвокатов, наряду с общими для беженцев проблемами, волновала и еще одна, специфическая: чем жить? В большинстве своем они были людьми немолодыми, даже один из самых «юных», Гольденвейзер, приближался к 50-ти. Ничего другого, кроме как занятия юриспруденцией, они не знали и не умели. Переучиваться было поздно, заниматься физическим трудом не позволяли возраст и здоровье.

И все же Гольденвейзер не терял оптимизма.

В Америке я не разочарован, – писал он М. Л. Кантору через полгода после приезда в новую страну. – Поле для наблюдения и изучения здесь громадное, да и для деятельности были бы интересные возможности, но вот только *специальность наша как нельзя менее подходит для трансплантации* (курсив мой. – О. Б.), а кроме того нужно жить и входить в жизнь годами, пока настолько с ней освоишься, что сможешь активно в ней участвовать²³.

Это было справедливо для любой другой новой страны. Если даже удавалось приспособиться, то выйти на прежний уровень было нелегко. Гершун писал после пяти лет жизни во Франции:

²¹ Гольденвейзер А. А. – Гершуну Б. Л., 11 августа 1938 года // В движении... С. 86.

²² Гершун Б. Л. – Гольденвейзеру А. А., 25 декабря 1938 года // Там же. С. 90–91.

²³ Гольденвейзер А. А. – Кантору М. Л., 12 июня 1938 года // Там же. С. 149. «Службы или иного постоянного заработка пока также не имею. Можно ли будет существовать здесь в качестве русского адвоката, пока еще не могу сказать», – писал он месяц спустя Гершуну (Гольденвейзер А. А. – Гершуну Б. Л., 10 июля 1939 года // Там же. С. 313).

Мы с О. М.²⁴ живем тихо, уединенно и скромно, одним словом, не столько живем, сколько доживаем. У меня много всякой работы, и не профессиональной, а заработка скромные. С здешним правом, обычаями и нравами больше или меньше освоился. Право неплохое, обычаи – хуже, а нравы – совсем скверные²⁵.

Переписка юристов не исчерпывалась обсуждением профессиональных проблем, сводившихся в основном к отсутствию клиентов и, следовательно, работы и заработка. Очень любопытны рассуждения Гершуна о вышедшей в Париже в 1938 году книге воспоминаний знаменитого адвоката Оскара Грузенберга «Вчера». Он писал все тому же Гольденвейзеру, тоже состоявшему с Грузенбергом в переписке:

Милюков – страха ради иудейска – напечатал о ней восторженную рецензию. Я прочел эту книгу. Лучше бы она не вышла. Очерки, посвященные воспоминаниям о делах, очень интересны, но они пропадают в автобиографии и в воспоминаниях о «великих людях», его друзьях – Короленко, Горьком, Кони. Язык – вымученный, любовь к «истинно-русским» оборотам речи и поговоркам (Кременецкий – Алданова²⁶), – и повсюду Оскар, Оскар и Оскар, – некуда от него спрятаться.

Как вам нравится в первых строках – определение русского языка:

«я полюбил этот удивительный язык: в ласке шелковисто-нежный, завораживающий; в книге – простой, просвечивающий до невозможности скрыть малейшую фальшь; в испытаниях борьбы – подмороженный, страстно-сдержанный»²⁷.

И в таком стиле почти вся книга. Только там, где он рассказывает о делах, защитах, муках за подзащитных, – там язык натуральнее.

Ни один настоящий русский человек не писал, и не будет писать таким русским языком.

Книга успеха не имеет. Трахтерев²⁸, которого я на днях встретил, рассказывал мне, что написал для «Возрождения» резкую рецензию про «Вчера», а про одного русского мне рассказывали, что он сказал, что, прочитав книгу Грузенберга, стал антисемитом. А Грузенберг собирается выпустить второй том²⁹.

Грузенберг своей самовлюбленностью и самоуверенностью раздражал многих. Но все же – это была история и слава русской адвокатуры. И Гершун не выдержал – написал о сильно не

²⁴ Ольга Марковна Гершун, жена Б. Л. Гершуна.

²⁵ Гершун Б. Л. – Гольденвейзеру А. А., 25 декабря 1938 года // В движении... С. 92.

²⁶ Адвокат Семен Исидорович Кременецкий – герой трилогии М. А. Алданова «Ключ», «Бегство», «Пещера». В предисловии к первому книжному изданию «Ключа» автор писал: «Добавлю в качестве курьеза, что мне называли п я т ь адвокатов, с которых будто бы писан (и тоже “портретно”) Кременецкий. Скажу кратко <...> в этих указаниях нет ни одного слова правды» (Алданов М. Ключ. Берлин: изд. Книгоиздательства «Слово» и журнала «Современные записки», 1930. С. 6). В. В. Набоков говорил в одном из своих интервью 1930-х годов: «...в алдановском Семене Исидоровиче Кременецком во что бы то ни стало старались найти черты какого-нибудь известного петербургского адвоката, живущего сейчас в эмиграции. И, конечно, находили. Но Алданов слишком осторожный писатель, чтобы списывать свой портрет с живого лица. Его Кременецкий родился и жил в воображении одного только Алданова. Честь и слава писателю, герои которого кажутся людьми, живущими среди нас, нашей повседневной жизнью» ([Набоков В. В.] <Интервью, данное Андрею Сedyх> // Владимир Набоков: pro et contra. Т. 2. СПб., 2001. С. 147).

²⁷ Грузенберг О. О. Вчера: Воспоминания. Париж, 1938. С. 5.

²⁸ Трахтерев Осип Сергеевич (1876/77–1944), присяжный поверенный Петербургской судебной палаты; в эмиграции жил в Берлине (1922–1923), затем в Париже, председатель парижского Союза русских адвокатов за границей, занимавшего более правые позиции по сравнению с Объединением русских адвокатов, возглавлявшимся Н. В. Тесленко; погиб в Освенциме.

²⁹ Гершун Б. Л. – Гольденвейзеру А. А., 15 мая 1938 года // В движении... С. 80–81.

понравившейся ему книге положительную рецензию. Точнее, чтобы не кривить душой, написал статью по поводу книги:

Я написал статью «Грузенберг, как уголовный защитник (по поводу книги его воспоминаний “Вчера”»)» и послал ее П. Н. Милюкову. Написал, платя этим свой долг Грузенбергу, который настойчиво потребовал от меня статью о себе еще по поводу его 70-летия. Я не написал: убоился. А теперь решился³⁰.

Но, конечно, на первом плане в переписке – политика, напрямую влиявшая на судьбы беженцев. Гольденвейзер поначалу считал, что в Германии все как-то перемелется и встанет на привычные места и что информация парижских «Последних новостей» о нацистских зверствах преувеличивает происходящее.

Гершун совершенно не разделял скепсиса Гольденвейзера в отношении информации «Последних новостей», в частности о событиях в Берлине. Из рассказов приезжающих из Германии он заключил, что «действительность куда более мерзка, чем Вы думаете, и чем изображают “П[оследние] Н[овости]”»³¹.

Летом 1939 года Гольденвейзер был вынужден признать: «Все сложилось хуже, чем можно было себе представить в 1937 году, когда я покинул Берлин. Ни для какого оптимизма теперь не осталось места...»³²

1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война, которую многие предвидели, но ход и последствия которой превзошли самые худшие ожидания. 6 июня 1940 года, то есть в разгар наступления германских войск на Париж, Гершун писал:

События, нас постигающие, мы переносим спокойно. В находящийся от нас в двух шагах лицей Мольера попала бомба; к счастью, в этом учебном заведении с начала войны прекращены занятия и жертв не было. Отклонение падения сверху на один миллиметр могло лишить меня удовольствия писать Вам. Мы не оставляем Париж, веря в то, что к этому нет оснований, а бомбы могут всюду упасть. Но если Париж будет в опасности, на что мы не рассчитываем, веря в то, что нас отстоят, мы под началом Гитлера не останемся и станем вновь беженцами. А пока жизнь идет своим чередом, каждый делает свой долг, чтобы поддержать течение жизни, и каждый должен так поступать, а не дезертировать «в страхе иудейском».

Большинство русских адвокатов пока не уезжает. Тесленко на днях уехал на юг и свалил на меня председательствование в Объединении [русских адвокатов во Франции]. Приходится помогать находящимся в нужде коллегам из имеющихся пока сумм, так как пополнение их теперь немислимо. Действует и будет действовать Очаг для евреев-беженцев, и мы кормим еще теперь по 250 человек в день. Средства у нас пока имеются. Эвакуировать наших старцев, живущих в Очаге, некуда и надо и о них заботиться. Т. И. Левина, которой теперь уже 76 лет, будет, вероятно, увезена сыном. Дело налажено и пойдет своим обычным ходом: голодные продолжают желать обедать каждый день, и от этой привычки их не отучить³³.

³⁰ Гершун Б. Л. – Гольденвейзеру А. А., 3 июля 1938 года // Там же. С. 83. См.: *Гершун Б. Л.* Грузенберг, как уголовный защитник (По поводу книги его воспоминаний «Вчера») // *Последние новости*. 1938. 1 сентября.

³¹ Гершун Б. Л. – Гольденвейзеру А. А., 5 сентября 1938 года // *В движении...* С. 87.

³² Гольденвейзер А. А. – Гершуну Б. Л., 10 июля 1939 года // Там же. С. 314.

³³ Гершун Б. Л. – Гольденвейзеру А. А., 6 июня 1940 года // Там же. С. 456–457.

Надежды Гершуна не оправдались. Через восемь дней Париж был объявлен открытым городом. Для русских евреев, независимо от их профессиональной и даже конфессиональной принадлежности, начались испытания, по сравнению с которыми бледнели все предшествующие.

22 июня 1941 года, сразу после нападения Германии на Советский Союз, Гершун, наряду со многими другими заметными русскими эмигрантами, был арестован нацистами и заключен в концентрационный лагерь Компьен под Парижем. Наци не стали разбираться в политических воззрениях эмигрантов и их отношении к СССР: точнее, решили сначала интернировать, а разбираться потом. Заключение, однако, затянулось и продолжалось для одних несколько месяцев, для других Компьенский лагерь стал промежуточной станцией по дороге в Освенцим. В лагере оказалось немало ученых, организовавших нечто вроде вольного университета, в котором можно было послушать лекции по самым разным специальностям. По словам одного из организаторов университета, математика В. А. Костицына, Борис Львович Гершун оказался «симпатичнейшим человеком»:

Этот старый адвокат и старый сенатский служащий хранил в своей памяти ценнейшие воспоминания и охотно согласился прочесть в нашем университете несколько лекций. Словом он владел великолепно, и было настоящим наслаждением слушать его рассказы о Плевако, Карабчевском, Урусове, Кони, о деятельности Сената как высшего судебного учреждения³⁴.

Гершуна освободили в ноябре 1941 года. В это время нацисты еще не приступили к «окончательному решению еврейского вопроса» и в оккупированной Франции вели себя несколько иначе, чем в Польше или Советском Союзе, играя в «европейцев». Желтые шестиконечные звезды евреев обязали носить с 1 июня 1942 года. Облавы на евреев-эмигрантов, не имеющих французского гражданства, в возрасте от двух до 55 лет начались в середине июля. Затем последовали депортации в лагеря уничтожения – сначала евреев-эмигрантов, а потом и «коренных» французских евреев. Гершун избежал участи, постигшей многих русских евреев, в том числе двух сестер-близняшек Алексея Гольденвейзера, скрываясь на юге Франции под чужим именем.

Вернувшись после освобождения в Париж, Гершун сыграл ключевую роль в восстановлении разоренного нацистами Очага для евреев-беженцев. С 1945 года он был бессменным председателем Очага, уделяя ему много внимания – ведь после войны и Холокоста значение Очага для уцелевших евреев существенно возросло. Создал при нем юридическое бюро и отдел социальной помощи. Возобновил адвокатскую практику. В 1945 году Гершун был избран председателем Объединения русских адвокатов во Франции. В 1952-м стал председателем комитета по изданию «Мемориала» русской адвокатуры.

Гершун обладал необыкновенной работоспособностью и организованностью: в Петербурге, где жизнь в определенных кругах начиналась поздно, он уже в 8:30 утра был за рабочим столом, диктовал стенографистке деловые бумаги и письма; затем отправлялся в суд или иные учреждения, принимал клиентов; вечером готовился к делам следующего дня. В эмиграции рабочий график менялся в зависимости от обстоятельств, но время, уделяемое профессиональным и общественным делам, оставалось столь же продолжительным. Возраст брал свое, но все же... В 1953 году Гершун писал в ответ на комплимент Гольденвейзера: «...я далеко не так “неутомим”, как Вы пишете. Могу работать только до 6½, а затем я к работе более не гожусь»³⁵. То есть его рабочий день на 84-м году жизни продолжался, очевидно с перерывом, 10 часов!

³⁴ Костицын В. А. Воспоминания о Компьенском лагере (1941–1942). М., 2009. С. 62.

³⁵ Гершун Б. Л. – Гольденвейзеру, 29.X.1953 // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University, Alexis Goldenweiser Papers, Box 43.

В последнем письме Гершуна к Гольденвейзеру, датированном 18 июня 1954 года, Борис Львович сетовал на утомление, не позволившее ему даже пойти в Очаг в его «присутственный день» (он бывал там три раза в неделю). «С нетерпением ждем 15 июля, чтобы уехать на отдых. Поможет ли он мне?» – задавался вопросом Гершун³⁶. Уехать на отдых ему не пришлось: 19 июля 1954 года Борис Гершун скончался в Париже в возрасте 84 лет.

Некрологи – не тот жанр, где можно найти о покойном что-либо, кроме комплиментов. Тем не менее полагаю, что А. А. Гольденвейзер был недалек от истины, объясняя причины успеха Гершуна в профессиональной и общественной работе. Этому

... во многом способствовали привлекательные черты его характера – его природная мягкость и уравновешенность, его деликатность и такт в обращении со всеми, с кем он приходил в соприкосновение. Но при этом Борис Львович умел быть и настойчивым, в особенности в деловых переговорах. Я не встречал никого, кто бы мог сравниться с ним в умении вести такие переговоры или защищать вверенные ему интересы в административных учреждениях³⁷.

Трудно не согласиться со словами А. А. Гольденвейзера, что в период беженства заслуги Гершуна «перед товарищами по сословию неоценимы. Более чем кто-либо, он содействовал разрешению трудной и не имевшей исторических прецедентов задачи – создать статус “адвокатуры в изгнании”. Это навсегда останется в анналах российской эмиграции»³⁸.

* * *

Над воспоминаниями Гершун начал работать, как им собственноручно помечено в рукописи, 4 августа 1936 года. В первых же строках он определил цели своего труда, так же как мотивы, побудившие его взяться за воспоминания:

Я пишу не для печати. В условиях эмигрантской жизни печатать эту толстую тетрадь, которую я собираюсь заполнить, негде и некому. Я пишу под давлением воспоминаний, от которых я не могу иначе освободиться. Они теснятся в моей памяти, рвутся наружу, не дают мне покоя. Надо перестать вспоминать прошлое, чтобы спокойно переносить настоящее. Я пишу для той адвокатуры, которая в России еще должна прийти. Я когда-то писал: «Она не имеет настоящего, ибо не может почитаться адвокатурой то “сословие” зависимых от администрации, не обладающих свободой слова правозаступников, которые теперь заменяют старую русскую адвокатуру, созданную Судебными уставами. Но русская адвокатура имеет будущее», – ибо не всегда останется Россия под властью диктатуры, и не мыслится свободная демократическая Россия – без свободной, независимой адвокатуры.

Рукопись Гершун предполагал передать в Пражский архив. 16 октября 1939 года он писал А. А. Гольденвейзеру:

Чтобы чем-либо заняться, я пока перечитываю и исправляю написанные мной за последние три года «Воспоминания русского адвоката» за время с 1894 по 1918 год. Всего 1000 страниц большого формата убористого шрифта. Воспоминания касаются всего того, что я видел и пережил как сенатский чиновник и адвокат, а также характеристики адвокатского Олимпа,

³⁶ Ibid.

³⁷ Гольденвейзер А. Памяти Б. Л. Гершуна // Новое русское слово. 1954. 1 августа.

³⁸ Там же.

его представителей и богов меньшего калибра. Написано не для печати, а для будущего историка адвокатуры, который «найдет мой труд усердный» и, отряхнув пыль десятилетий, использует его для своей работы³⁹.

Возможно, именно то, что Гершун не предназначал воспоминания для печати, обусловило свободу, с которой они написаны. Таким образом, тетрадь разрослась до текста, по словам его автора, объемом 1000 страниц. Возможно, это «фигура речи». Во всяком случае, в фонде Гершуна в Бахметевском архиве при Колумбийском университете находится рукопись (листы в самом деле большого формата) объемом свыше 840 страниц. Неясно также, что Гершун понимал под шрифтом, ибо рукопись – автограф, а почерк Гершуна в самом деле был убористым. Небольшие фрагменты воспоминаний, отобранные и подготовленные к печати Гольденвейзером, как говорилось выше, увидели свет в «Новом журнале» (1955, кн. 43) под названием «Воспоминания адвоката».

В редакционной врезке к публикации говорилось:

В бумагах скончавшегося в 1954 году в Париже Бориса Львовича Гершуна осталась обширная рукопись (около 800 страниц на машинке) под заглавием «Воспоминания русского адвоката (1894–1918)», которую ему не удалось опубликовать при жизни. Автор воспоминаний занимал видное положение в петербургской адвокатуре, был юрисконсультом многих предприятий и участвовал в большом количестве крупных гражданских процессов. Его мемуары дают интересную картину русских судов, адвокатуры и деловых кругов столицы⁴⁰.

Машинописный экземпляр, если он в самом деле существовал, мне не удалось обнаружить ни в бумагах Гершуна, ни в фонде Гольденвейзера в Бахметевском архиве. А вот приблизительное число страниц в рукописи указано верно. Гершун печатать на машинке не умел, переписку он вел от руки. О том, что свои мемуары Гершун отдал перепечатать, он нигде не упоминает. Как бы то ни было, в нашем распоряжении имеется только автограф. Воспоминания Бориса Гершуна, представляющие собой рукопись объемом чуть более 840 страниц, хранятся в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете в Нью-Йорке (Boris L'vovich Gershun Papers, Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University). В настоящую публикацию нами включена выдержка из главы, в которой рассказывается о еврейском детстве Гершуна и его отношении к собственному еврейству, а также часть главы о некоторых эпизодах его работы в качестве юрисконсульта великих князей Кирилла, Бориса и Андрея Владимировичей, в особенности в связи со столкновением с финансистом Д. Л. («Митькой») Рубинштейном. В публикацию включена также глава, посвященная характеристике этого знаменитого авантюриста. Полностью воспоминания Б. Л. Гершуна готовятся к публикации в издательстве «Статут». Текст публикуется по правилам современной орфографии и пунктуации, однако с сохранением стилистических особенностей оригинала и некоторых «неправильностей», позволяющих сохранить аромат эпохи. Текст и комментарии подготовлены Т. Л. Ворониной. Примечания Б. Л. Гершуна оговорены в примечаниях отдельно.

³⁹ В движении... С. 316.

⁴⁰ Гершун Б. Л. Воспоминания адвоката // Новый журнал. 1955. Кн. 43. С. 134.

Б. Л. Гершун **Воспоминания русского адвоката**

Подготовка текста и примечания Т. Л. Ворониной

Предисловие

Я пишу не для печати. В условиях эмигрантской жизни печатать эту толстую тетрадь, которую я собираюсь заполнить, негде и некому⁴¹. Я пишу под давлением воспоминаний, от которых я не могу иначе освободиться. Они теснятся в моей памяти, рвутся наружу, не дают мне покоя. Надо перестать вспоминать прошлое, чтобы спокойно переносить настоящее. Я пишу для той адвокатуры, которая в России еще должна прийти. Я когда-то писал:

Она не имеет настоящего, ибо не может почитаться адвокатурой то «сословие» зависимых от администрации, не обладающих свободой слова правозаступников, которые теперь заменяют старую русскую адвокатуру, созданную Судебными уставами. Но русская адвокатура имеет будущее, – ибо не всегда останется Россия под властью диктатуры, и не мыслится свободная демократическая Россия – без свободной, независимой адвокатуры.

Для этой будущей адвокатуры мои записи, которые я сдам в Пражский архив⁴², могут оказаться не лишними интереса. Я хочу поделиться с моими будущими коллегами не только моими воспоминаниями, но и опытом более чем сорокалетней адвокатской деятельности.

Я когда-то мечтал написать книгу «Правила адвокатской профессии». У меня не было никогда досуга, чтобы привести это намерение в исполнение. Теперь, когда я обладаю свободным временем, эти «правила» никому не нужны. Но они пригодятся тому будущему адвокатскому поколению, которое начнет свою работу – без связи с прошлым. Эмигрантская адвокатура мечтала быть этим связующим элементом. Доживет ли она до дней возрождения русской адвокатуры? Что к тому времени останется от нас? Пусть этот труд, «старым беременный»⁴³ (мое имя для будущего ничего не будет значить), послужит материалом для того коллеги, который извлечет эту тетрадь из Русского заграничного архива и воспользуется имеющимся в ней материалом для своего труда о прошлой адвокатуре и о том, какой она должна быть в будущем.

Будущей русской адвокатуре я и отдаю эти записи.

4 августа 1936 г.

Herrenalb (Schwarzwald)⁴⁴

Германия

⁴¹ Выдержки из воспоминаний Б. Л. Гершуна, подготовленные к печати его многолетним другом А. А. Гольденвейзером, были опубликованы уже после его смерти: *Гершун Б. Воспоминания адвоката* / публ. и ред. А. А. Гольденвейзера // Новый журнал. 1955. № 43. С. 134–152.

⁴² Русский заграничный исторический архив в Праге (РЗИА) – крупнейший европейский архив русской эмиграции, созданный в 1923 году. В задачи Архива входило «собрание, хранение, систематизация и научная обработка материалов по истории России и входящих в нее народов». В конце 1945 года был вывезен в СССР. В настоящее время хранится в ГА РФ. Рукопись воспоминаний Гершуна хранится в Бахметевском архиве при Колумбийском университете в Нью-Йорке.

⁴³ «Обратное цитирование» известного выражения К. Маркса: «Насилие – повивальная бабка каждого старого общества, беременного новым» (*Маркс К. «Капитал»*. Т. 1, гл. 31).

⁴⁴ Бад-Херренальб (*нем.* Bad Herrenalb) – курортный город в Германии в регионе Северный Шварцвальд, земля Баден-Вюртемберг.

Семья. Детство. Учеба в университете⁴⁵

Я окончил Петербургский университет весной 1892 года. По сдаче экзаменов я поехал к родителям в Вильну⁴⁶, где было решено, что я прежде всего отбуду воинскую повинность. Я вступил вольноопределяющимся⁴⁷ в 4-й Псковский лейб-драгунский Ее Величества Государыни императрицы Марии Федоровны полк, стоявший в Вильне. Я жил дома, но проводил почти весь день в казармах. Я захватил с собой из Петербурга юридические книги (главным образом по гражданскому праву), но о каких-либо занятиях во время службы не могло быть и речи: я слишком уставал к вечеру. Отбыв воинскую повинность, я в ноябре 1893 года поехал в Петербург. Родители сшили мне зимнее пальто, темный костюм, дали немного белья и 30 рублей денег. В Петербурге я поселился у моей замужней сестры на Фонтанке у Невского проспекта (№ 52). На следующее утро по приезде я вышел на Невский проспект. Был чудный день, я дошел до Полицейского моста. В окне книжного магазина Мелье⁴⁸ я увидел книгу «L'Éducation de la Volonté», кажется, Payot'a⁴⁹ и купил немедленно: я всегда себя упрекал в недостаточно сильной воле и решил узнать, как ее воспитать и укрепить. В соседнем магазине – эстампном и художественном – Дациаро⁵⁰ – я увидел в окне фотографию с какой-то картины, изображавшей девушку-подростка, брюнетку с милым овалом лица, с взглядом темных глаз, устремленных вдаль. Лицо этой девушки мне напомнило мою 13-летнюю двоюродную сестру, которую я уже тогда любил нежной любовью и которая впоследствии стала моей женой. Я купил эту фотогравюру. Эти два моих первых действия в значительной степени предопределили всю мою будущую жизнь.

Я упражнял свою волю, заставляя себя работать и упорно идти к поставленной цели, не уклоняясь в сторону и не поддаваясь никаким соблазнам.

Любовь к черной девочке-подростку меня предохранила от других увлечений, дала тонус моей личной жизни, определила выбор моей карьеры и мое крещение (она была по рождению православной).

Предо мной предстал вопрос: что делать, по какому пути пойти?

⁴⁵ Текст включает отрывок из первой главы первой части «Воспоминаний русского адвоката»: «Вступление в адвокатуру. IV департамент Правительствующего Сената».

⁴⁶ Вильна (с 1939 года – Вильнюс) – губернский город, крупнейший город Литвы.

⁴⁷ По уставу о воинской повинности 1874 года вольноопределяющимися считались военнотружущие из нижних чинов, добровольно поступившие на военную службу и пользовавшиеся в связи с этим определенными льготами. Лица иудейского вероисповедания поступали в вольноопределяющиеся на общих основаниях. После 1886 года срок службы для вольноопределяющихся Первого разряда, к которому причислялись и лица, окончившие университеты и другие высшие учебные заведения, составлял 1 год и 9 лет в запасе (срок службы на общих основаниях – 2 года и 13 лет в запасе). По выслуге обязательного срока службы вольноопределяющиеся производились в офицеры. До 1913 года закон не содержал прямого запрета на получение евреями офицерского чина, тем не менее в офицеры их не производили.

⁴⁸ Книжный магазин «Мелье и К°» (Mellier & Co), находившийся по адресу: Невский проспект, 20.

⁴⁹ Я недавно видал эту книгу в окне одного из книжных магазинов rue de la Pompe [в Париже]. Как живучи некоторые книги! (примеч. Б. Л. Герцигуна). Payot Jules. L'éducation de la volonté [Пэйю Жюль. «Воспитание воли»] – самая известная книга французского педагога и публициста Жюля Пэйю (1859–1940), впервые вышедшая в 1893 году. К 1909 году выдержала не менее 32 изданий и была переведена на несколько иностранных языков.

⁵⁰ Художественный магазин семьи Дациаро (Daziaro) располагался на Невском проспекте, 1. Основатель первого в России частного издательства печатной художественной графики, специализировавшегося на продаже литографированных эстампов, Джузеппе (Иосиф Христофорович) Дациаро (1806–1865) приехал в Россию из Италии в начале 1820-х годов. Продукция издательства Дациаро пользовалась популярностью благодаря своему качеству и верно выбранному небольшому формату литографий, позволившему значительно расширить круг покупателей.

Легче всего было бы поступить на службу в банк. Все трое дядей со стороны матери были банковские деятели: один был вице-директором Учетного и ссудного банка, всего недавно оставившим свою службу; другой – совладельцем банковского дома на Невском проспекте; третий – директором, издателем, представителем Дрезденского банка в Петербурге⁵¹. Они с легкостью пристроили бы меня в любом банке, и мне была бы обеспечена так называемая «приличная карьера». Это значило бы пойти по линии наименьшего сопротивления. У меня не было никаких колебаний: банковская деятельность мне была не по душе.

При окончании университета я представил работу на диплом I степени «О принадлежностях» и был признан – по заключению профессора Дювернуа⁵² – заслуживающим оставления при университете «для приготовления к ученому званию» по кафедре гражданского права.

В университете со 2-го курса я занимался под личным руководством профессора Дювернуа почти исключительно гражданским правом, не отдавая себе еще ясного отчета, какую профессию я выберу. Мой брат (физик) избрал научную карьеру⁵³, и я подумывал более о научной карьере, менее об адвокатуре. Ясно было только одно: долго я не должен и не могу претендовать на поддержку со стороны родителей и должен скорее стать сам на ноги. По приезде в Петербург я зашел немедленно к профессору Дювернуа, который принял меня очень ласково и сам предложил в ближайшем заседании факультета (или Совета) внести вопрос о моем оставлении при университете. Что и осуществилось в скором времени. Я получил от профессора Дювернуа и затем от профессора Ефимова (по римскому праву)⁵⁴ программу занятий, получил в университетской библиотеке необходимые книги и засел за работу – подготовку к магистерскому экзамену.

Мне тогда казалось, что юристу, избравшему научную карьеру, необходимо знакомиться с судебной работой так же, как врачу необходима клиническая работа, что голая теория далека от жизни и мертва. Мне думалось, что занятия теоретические должны быть соединены с практической работой в суде или в адвокатуре – с тем, однако, что практической работе было посвящено время, остающееся от научной работы.

Об адвокатуре я имел очень слабое представление, но мне было ясно, что надо попытаться попасть в помощники к такому адвокату, у которого я бы мог заняться изучением дел и их разработкой и не был бы принужден посвящать много времени беготне по справкам и ходатайству по мелким делам. Мне казалось, что только у крупного адвоката я бы нашел работу, которую я бы мог совместить с подготовкой к магистерскому экзамену. Мой старший дядя был знаком с присяжным поверенным Герардом⁵⁵, о котором я впервые и слышал от дяди. Дядя,

⁵¹ Дяди Б. Л. Гершуна по матери: Борис Семенович Шерешевский (Шершевский), вице-директор Учетного и ссудного банка; Григорий Семенович Шерешевский (1848–?), купец первой гильдии, владелец банкирского дома «Г. Шерешевский и К^о» и биржевого фонда Г. С. Шерешевского; Дмитрий Семенович Шерешевский (1856–?), комиссионер по биржевой части, член правления Русского общества машиностроительного завода Гартмана и учредитель Русского общества полевых и узкоколейных путей «Паровоз». Петербургский учетный и ссудный банк, учрежденный в 1869 году при участии немецких капиталов, проводил активную политику по финансированию промышленности, выступая младшим партнером Международного коммерческого банка. Основанный в 1872 году Dresdner Bank ежегодно выдавал в России ссуды более чем на 100 тыс. марок.

⁵² Дювернуа (Duvernois) Николай Львович (1836–1906) – юрист, историк права, заслуженный ординарный профессор, доктор гражданского права. С 1881 года преподавал на кафедре гражданского права юридического факультета Санкт-Петербургского университета.

⁵³ Гершун Александр Львович (1868 (по др. сведениям 1866) – 1915) – физик, специалист в области прикладной оптики, электромагнетизма, радиоактивности, основатель российской оптической промышленности. В 1886–1890 годах учился на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета, по окончании которого остался там работать. Действительный статский советник (1911).

⁵⁴ Ефимов Василий Владимирович (1857–1902) – юрист, с 1891 года ординарный профессор кафедры римского права Санкт-Петербургского университета.

⁵⁵ Герард Владимир Николаевич (1839–1903) – один из самых известных российских адвокатов. После окончания в 1859 году Императорского училища правоведения служил в течение нескольких лет в Сенате и в Царстве Польском (в юридической комиссии, занимавшейся подготовкой введения Судебных уставов). Член Санкт-Петербургского окружного суда (1866); присяжный поверенный округа Санкт-Петербургской судебной палаты (1868); член Совета присяжных поверенных (1869; 1902–

по моей просьбе, просил Герарда зачислить меня помощником, но Герард посоветовал, чтобы я прежде всего послужил некоторое время в Сенате, лучше всего в IV департаменте⁵⁶, где канцелярия самостоятельно подготовляет решения дел. Так возникла мысль о моем поступлении в Сенат. И тут нашлась протекция: мой дядя был знаком с обер-прокурором IV департамента Сената П. П. Кобылинским⁵⁷, с которым он вместе заседал в Ревизионной комиссии Тульского поземельного банка⁵⁸. Кобылинский согласился меня зачислить в Сенат. Путь для этого был прост: надо было причислиться к Министерству юстиции и быть откомандированным для занятий в IV департамент Сената. Это можно было проделать и в качестве еврея (пример Закса, сына присяжного поверенного, зачисленного после меня – в 1900 году в Сенат), но я крестился, приняв православие, еще до вступления в Сенат.

Мне и сейчас непонятно, как легко я решился на крещение и как мало было у меня колебаний перед шагом, который я бы теперь никогда и ни при каких условиях не совершил. В этом акте я раскаиваюсь и понимаю тех, кто меня за это осуждали и осуждают. Попытаюсь, однако, из условий и обстановки моего детства и юности найти объяснение этому моему поступку, который, в сущности, не вяжется со всей моей моральной личностью.

Я рос в семье, в которой к вопросам национальным и религиозным относились без всякого интереса. Еще дед мой, живший в Гродно⁵⁹, имевший небольшую оптовую торговлю сукном, мало придавал значения религиозным обрядностям. Он был одним из тех вольнодумцев, которые стали нарождаться в еврейской среде и которые были первыми адептами ассимиляционного движения среди евреев. Это движение началось в пятидесятые годы прошлого столетия и шло параллельно с нарастанием той либеральной эры, которая дала освобождение крестьян, судебные уставы, земства и городское самоуправление. Дед был одним из первых гродненских евреев, который отдал своих детей в русскую гимназию⁶⁰; первые годы мальчики посещали гимназию втайне от матери, не разделявшей либеральных взглядов деда; она думала, что дети утром отправляются в хедер. Мальчики по пути в школу переодевались в знакомой семье, придерживавшейся также передовых взглядов, в мундирчики с красным околышком, а на обратном пути опять надевали свои лапсердаки. Однажды бабушка, к своему ужасу, встретила своих сыновей по пути из гимназии в мундирчиках. Дома разразилась буря. Дед оказался стойким, и бабушке пришлось подчиниться. Она уже не возмущалась, а только тихо стонала, когда дед нанял для старших мальчиков учителя французского языка, того же самого, что преподавал у

1903 – председатель Совета). Получил известность благодаря участию в крупных политических процессах 1870–1890 годов: деле нечаевцев, процессе 50-ти (защищал Н. Ф. Цвиленева, В. Н. Батюшкова, А. Е. Трубецкого, Л. А. Иванова), процессе 193-х (защищал 16 участников процесса), по делу 1 марта 1881 года (защищал Н. И. Кибальчича), процессе 20-ти. В последующие годы вел гражданские дела. Работал вместе со знаменитыми адвокатами Ф. Н. Плевако, В. Д. Спасовичем, Н. П. Карабчевским и другими. Занимался благотворительной деятельностью; основатель и председатель Общества защиты детей от жестокого обращения. В. Н. Герарду в значительной степени посвящена первая часть воспоминаний Б. Л. Гершуна.

⁵⁶ IV (апелляционный) департамент Сената (1805–1898), наряду со II и III департаментами, занимался рассмотрением гражданских дел.

⁵⁷ Кобылинский Петр Петрович (1847–1918), окончил Императорское училище правоведения (1868); действительный статский советник (1887); тайный советник (1899); действительный тайный советник (1899); обер-прокурор IV департамента Сената, сенатор (Гражданского кассационного департамента, затем Первого департамента Правительствующего Сената; 1890); член правой группы Государственного совета (1906); член Совета Русского Собрания (1914–1917).

⁵⁸ Петербургский Тульский поземельный банк, основанный в 1872 году и выдававший ссуды под залог земли и городских имуществ.

⁵⁹ Гродно – губернский город, в 1856 году насчитывавший 18 тыс. жителей, среди которых евреи составляли самую многочисленную группу.

⁶⁰ В Гродно была одна мужская классическая и одна женская гимназия. Традиционное еврейское обучение происходило в одноклассном начальном училище, талмуд-торе и ешиботе.

губернатора. В Гродно того времени это вызвало сенсацию. В конце 50-х годов три старшие сына деда постепенно кончали гимназию и уезжали в Москву, в университет, на медицинский факультет. Характерно, что дед уже тогда дал своим детям – всем, кроме одного (Хацкеля – очевидно, единственная уступка бабушке; Хацкель и не кончил гимназии), – христианские имена, значившиеся в их документах (Моисей – не Мойша, Лев⁶¹ – не Лейба и т. д.). Так началась в еврейской среде ассимиляция с русским обществом. Дома у деда обряды еврейской религии исполнялись больше по инерции. Попав в университет, Гершуны-студенты вошли в русское общество, забывая о своем еврействе⁶². Мой отец мне рассказывал, что в лучших слоях русского общества ассимиляционные стремления еврейской молодежи встречали симпатию и поддержку. Студенты пополняли свои средства уроками исключительно в русских семьях. До окончания университета отец не ездил домой: железной дороги еще не было, и путешествие лошадьми было и продолжительным, и не по средствам. Летом он, как и прочие еврейские студенты (число их было невелико) жили на так называемых «кондициях» в качестве репетиторов в русских помещичьих и – нередко – аристократических семьях; считалось даже модным и соответствующим «духу времени» приглашать летом к детям еврея-студента. Так многие студенты того времени понемногу отходили от еврейства, привыкая к русскому обществу. Когда по окончании университета отец получил сразу место уездного врача в уездном городе Соколки Гродненской губернии⁶³, он женился. Мать моя, урожденная Шерешевская⁶⁴, происходила из еврейской семьи города Юрбурга (Ковенской губернии) у самой германской границы⁶⁵; дед был оптовый торговец лесом, человек, говорят, умный и «свободомыслящий». Детей своих он с детства воспитывал в Германии, в Кенигсберге, где мать моя и кончила средне-учебное заведение. Мать говорила по-немецки и по-французски и русскому языку научилась только после замужества, но никогда им хорошо не владела: с нами она говорила и переписывалась по-немецки.

В Соколках родители попали в польско-русскую среду. Жившие там евреи – шинкари, лавочники, мелкие ремесленники – не могли составить общества врачу, одной из видных персон уезда; отец стал вскоре и городским врачом и, как единственный врач, овладел всей частной практикой, как в городе, так и среди окружных польских помещиков. Родители прожили в Соколках около тринадцати лет; когда мы переехали в Вильну, мне было семь лет. Я помню среди наших гостей в Соколках ксендза, русского батюшку, местного судебного следователя, к которому мы детьми бегали по соседству получать леденцы, которыми были полны ящики его комода. Помню, что мы ездили за город в гости к местным помещикам. С раннего детства у нас была немецкая гувернантка Frl. Jantzon. Мы с детства говорили по-немецки, молились по-немецки и вряд ли подозревали, что мы евреи. Я отчетливо помню, как праздновались у нас русская Пасха и Рождество, как мы готовили к Рождеству сами все елочные украшения, как ездили в лес вырубать елку. Знаю из позднейших рассказов, что отец был очень популярен и любим в польском обществе; он имел, правда, медаль в память «усмирения польского мятежа»⁶⁶, но «усмирение» его выражалось в том, что он давал всякие побряжки сидевшим

⁶¹ Гершун Лев Яковлевич (1836–1897) – отец Б. Л. Гершуна.

⁶² Вероятно, что еврейского общества в том виде, как оно существовало в наше время, в Москве тогда и не было (*примеч. Б. Л. Гершуна*).

⁶³ Соколка – уездный город Гродненской губернии (с 1807 года). Более половины его жителей составляли евреи, почти все остальные по вероисповеданию были католиками.

⁶⁴ Гершун (урожд. Шерешевская) София Семеновна.

⁶⁵ Юрбург (*нем.* Georgenburg) – местечко Россиенского уезда Ковенской губернии, расположенное на реке Неман недалеко от прусской границы. К началу XX века в городе насчитывалось 6,5 тыс. жителей, из них: 4,3 тыс. евреев, 1,5 тыс. представителей Римско-католической церкви, 365 лютеран и 266 православных. В настоящее время город Юрбаркас (*лит.* Jurbarkas) на западе Литвы.

⁶⁶ Медаль «За усмирение Польского мятежа» вручалась участникам подавления восстания 1863–1864 годов в Царстве Польском, Северо-Западном крае и Волыни. Учреждена в 1865 году, имела два варианта: светло-бронзовый (им награждались

в местной тюрьме польским «мятежникам» и по всякому удобному поводу переводил их в находившуюся рядом с нашим домом-усадьбой уездную больницу, чтобы они – «на честное слово» – пользовались большею свободой. В 1877 году отца по его просьбе перевели в Вильну «для воспитания детей», он был назначен ординатором виленской еврейской больницы, где он со временем дошел до должности старшего врача. В Вильне – еврейско-польском городе – мы оказались в кругу вновь образовавшегося с 1860-х годов еврейского интеллигентского общества – врачей, аптекарей, присяжных поверенных, учителей вновь учрежденных еврейских школ. Большинство этих семей укладом своей жизни мало отличалось от нашей. Все же можно утверждать, что эти семьи имели большую связанность с еврейством, чем мы: они праздновали большие еврейские праздники, посещали в эти дни синагогу, постились в иом-кипур⁶⁷, изредка вели – из-за отношений к родным или родителям, или просто по традиции – кошерную кухню. У нас не велась кошерная кухня, я не помню родителей идущими в синагогу, еврейские праздники, даже иом-кипур, не отличались от будних дней, – зато праздновалось Рождество, устанавливалась елка с подарками, на Пасху появлялись на столе рядом с мацой и изюмным вином, которые мы очень любили, куличи, пасха, ветчина; в субботу мой отец, ссылаясь на срочность врачебных визитов, так же разъезжал по больным на извозчике, как и в будние дни. К этому в Вильне привыкли, нас не осуждали и не чуждались нас, тем более что родители, особенно мать, отличались приветливостью и гостеприимством. У нас были гувернантки: сначала Frī. Jantzон, переехавшая с нами из Соколок, затем француженки; нас всех обучали игре на рояле, а когда мы оканчивали гимназию, нас заставляли брать уроки английского языка. Домашним языком у нас был из-за матери немецкий. И по известным дням французский язык. Нам строго запрещалось говорить на «жаргоне»⁶⁸, разговорном языке всей Вильны, отсюда произошло то, что, живя в Вильне, я не умел и до сих пор не умею говорить на идиш.

Так шло наше воспитание. Поступив в гимназию⁶⁹, я почувствовал, что я еврей. Правительственный антисемитизм сказывался иногда резко в школе. Были преподаватели, издевавшиеся над еврейскими мальчиками, такие были, впрочем, исключениями. В классах большинство учеников были евреи. Сказывалась и рознь между учениками-христианами, особенно поляками, и евреями. Почему-то в отношении ко мне и брату этот антагонизм проявлялся меньше. Имело значение и общественное положение отца, быстро завоевавшего в Вильне значительную практику, и большое уважение, и, наконец, весь строй нашей жизни, воспитание, нам даваемое, и, может быть, и то, что внешне мы все были не типичными евреями.

Помню, и в других еврейских гимназистах, уклад жизни которых приближался к нашему, пробудилось впервые национальное чувство, когда по юго-западной России в начале 80-х годов прокатилась волна еврейских погромов⁷⁰. О них говорили, о них читали в газетах, они волновали всех, их опасались и в Вильне. Благодаря энергичным действиям виленского губернатора⁷¹ погромы миновали Вильну, и впечатления от погромов в других городах быстро изгла-

военнослужащие всех званий, принимавшие участие в боевых действиях или находившиеся в войсках при исполнении воинских обязанностей) и темно-бронзовый (для гражданских и военных чиновников, служивших в 1863–1864 годах на территории Царства Польского и Западного края и не принимавших непосредственного участия в сражениях, но своими действиями помогавших подавлению восстания, а также представителей духовенства всех вероисповеданий, способствовавших прекращению восстания, и ряд других категорий штатских лиц). Всего было отчеканено около 370 тыс. светло-бронзовых и более 230 тыс. темно-бронзовых медалей.

⁶⁷ День прощения (*примеч. Б. Л. Гершуна*).

⁶⁸ Так назывался язык идиш в те времена (*примеч. Б. Л. Гершуна*).

⁶⁹ Б. Л. Гершун учился в виленской 1-й гимназии, которую окончил в 1888 году с серебряной медалью.

⁷⁰ После убийства Александра II в более чем 150 городах и местечках черты оседлости юга и запада Российской империи (в том числе в Екатеринославе, Одессе, Борисполе, Варшаве и др.) произошли – часто при попустительстве властей – еврейские погромы, в результате которых Россию покинуло 2 млн евреев. Большинство из них уехало в Америку, меньшая часть – в Эрец Исраэль.

⁷¹ С ноября 1869 по май 1882 года пост виленского губернатора занимал действительный статский (позднее – тайный) советник Егор Павлович Стеблин-Каменский (1815–1882).

дились в детских душах. Нас – мы были 12–14-летними мальчишками – стало захватывать чтение русской литературы: Гоголя, Тургенева, Гончарова, наконец Достоевского, которым мы зачитывались. Затем присоединилось чтение запрещенной тогда литературы: Добролюбова, Писарева. Некоторые из наших товарищей-евреев (Ромм, Ефрон) конспиративно интересовались противоправительственными группами, к которым принадлежали и старшие братья. Все это происходило в орбите русских движений и течений и не имело специфически еврейского характера.

Когда приближалось мое 13-летие, время еврейского духовно-религиозного совершеннолетия, я выразил родителям желание обучаться древнееврейскому языку и молитвам и решил готовиться к торжественному отправлению, так называемой бармицве. Родители мне препятствий не ставили, и мне был нанят «ребё», приходивший ко мне несколько раз в неделю с толстой книжкой, по которой он водил то грязной деревянной указкой, то не менее грязным указательным пальцем. Я усердно учился и этим успокаивал возникшее у меня недоумение по поводу моей принадлежности к еврейству и полному неотправлению дома еврейских религиозных требований и обрядов. Мне казалось, что, раз я еврей, я должен исповедовать еврейскую религию во всем, согласно требованиям еврейского законоучения. Когда наступило мое 13-летие, я с моим ребё отправился в синагогу, где я фальшиво спел полагающуюся по этому случаю молитву, прочел, кажется, что-то из Торы, но обычной речи («драша») не произнес, так как не имел достаточной для этого подготовки. Никакого интереса – ни одобрения, ни порицания – к моему «чужачеству» я ни дома, ни среди моих ближайших товарищей не встретил; не было ни обычного в таких случаях домашнего празднества, приглашенных гостей и т. п. В течение нескольких дней я, вставая утром, клал на лоб ремешки (тфилин), произносил молитвы, но потом бросил эти «церемонии»: никакого религиозного чувства у меня не было и от молитв не пробудилось. Этим окончились мои попытки стать «настоящим евреем»; я весь ушел в чтение произведений русской литературы, я чувствовал себя русским и только русским. Даже то, что для поступления евреев в университет были установлены ограничения, не пробудило ни во мне, ни в окружающих национального чувства; этими ограничениями только усиливалось наше оппозиционное отношение к современному режиму... То, что я кончил гимназию с серебряной медалью, то, что отец мой состоял на государственной службе, то, что в Петербурге у меня были постоянные родные, то, что мой брат уже два года был студентом Петербургского университета, облегчало мое принятие в Петербургский университет на юридический факультет.

Я стал студентом. Из моих гимназических товарищей никто не пошел в Петербургский университет, и мне пришлось завязывать новые знакомства. Это шло довольно туго. На первом курсе я стал посещать кроме лекций моего факультета также лекции по антропологии, тогда новой модной науке, и практические занятия (рефераты) у профессора Петри⁷²; я сам сделал доклад у Петри. На практических занятиях познакомился с несколькими русскими студентами, но у них главный интерес сводился к выпивке и легким кутежам, и я быстро отстал от них. На втором курсе я сблизился с Шклявером (потом присяжным поверенным, принявшим для этого христианство)⁷³, А. Я. Острогорским (затем основателем и директором Тенишевского

⁷² Петри Эдуард Юльевич (1854–1899) – географ, этнограф, антрополог. Потомок деятеля шведской реформации XVI века Олауса Петри. В молодости был близок к «Земле и воле», арестовывался, был сослан. Из ссылки бежал в Швейцарию, где окончил Бернский университет, защитил докторскую диссертацию по медицине и в 1883–1887 годах в качестве внештатного профессора читал там на философском факультете лекции по географии и антропологии. В 1887 году после амнистии вернулся в Россию. В 1887–1899 годах возглавлял кафедру географии и этнографии на естественном отделении физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета.

⁷³ Шклявер Гавриил Григорьевич – присяжный поверенный Санкт-Петербургской (Петроградской) судебной палаты, присяжный стряпчий при Петроградском коммерческом суде; председатель правлений Акционерного общества «Стромат», Русско-английского банка, Каменноугольного акционерного общества «Александровская гора»; член правления Акционерного общества Николаево-Павдинского горного округа. После 1917 года эмигрировал вместе с женой и сыном.

училища в Петербурге)⁷⁴, вошел в кружок студентов, работавших в семинарии (тогда совсем новом почине) у профессора М. И. Свешникова⁷⁵ (Д. И. Соколов, Струве⁷⁶, Никольский⁷⁷ и др.), подружился с Аркадием Преном (затем служившим в Сенате, тоже крестившимся). Во всех этих кружках преобладали русские интересы, о еврейских проблемах никто среди нас не говорил и не думал. Общество, в котором я по родственным своим связям поневоле бывал, состояло из обширной семьи дядей и тетей, почти поголовно крестившихся по тем или иным соображениям. Мой брат окончил на два года раньше меня университет, женился на православною (смолянке⁷⁸) и тоже крестился.

Со второго курса – после кратковременного существования Свешниковского семинария, закрытого ректором Владиславлевым⁷⁹ из-за либерального направления – после занятий сначала историей философии и политической экономией я решил посвятить свое время и усилия одной дисциплине – гражданскому праву – в значительной мере под влиянием увлекательных лекций профессора Дювернуа. Я настолько ушел в эти занятия, что все остальное в университете как бы перестало для меня существовать. Я много читал, особенно полюбил Heine⁸⁰ и французскую литературу, но политическими и общественными течениями в русском обществе и его отражениями в университетских кругах я совершенно не интересовался. Правда, это и были годы (1888–1892) затишья в общественной и университетской жизни. На четвертый год моего пребывания в университете разразились так называемые «университетские беспорядки»; по молчаливому соглашению студенты-юристы, уже подготовившиеся к государственным экзаменам, писавшие свои работы на диплом 1-й степени, в этом движении не принимали никакого участия. Еще меньше я прикасался к еврейским проблемам. Я просто не думал о них, не знал о существовавших тогда течениях еврейской мысли. Отсутствие равноправия евреев, существование еврейских гетто, возмутительные ограничения для евреев – все это я ясно сознавал, но, как многие, считал, что с неминуемым наступлением либеральной эры и «свобод» для русского народа автоматически отпадут и ограничения для евреев. Надо, значит, работать в России, для России – каждый на избранном поприще – реформы придут в ходе эволюции, и с реформами положение евреев улучшится.

Таковы были мои мысли или, вернее, настроения к моменту вступления моего в практическую жизнь. Я чувствовал себя русским, вопросы религиозные и национальные меня не тревожили, сознание, что я еврей, лежало где-то глубоко под спудом, и мне казалось, что раз на моем пути то, что я «иудейского вероисповедания», является препятствием к осуществлению поставленной мною цели быть профессором гражданского права, то надо устранить эту помеху так, как это делали по иным соображениям мои дяди и по тем же соображениям мой

⁷⁴ Острогорский Александр Яковлевич (1868–1908) – педагог, писатель, журналист, редактор и общественный деятель. В 1892 году окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1899 года директор Тенишевского училища в Петербурге.

⁷⁵ Свешников Митрофан Иванович (1862–?) – правовед. Приват-доцент Санкт-Петербургского университета (1888); член Юридического общества при университете (1889); читал лекции по общему государственному праву и вел практические занятия со студентами (семинарий государственного права; с 1890 года).

⁷⁶ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – экономист, публицист, историк, философ, общественный и политический деятель. В 1889 году поступил на естественный факультет Санкт-Петербургского университета, на следующий год перевелся на юридический факультет (окончил в 1894).

⁷⁷ Никольский Борис Владимирович (1870–1919) – политический деятель, профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета. В 1899–1907 годах читал лекции по римскому праву и некоторым отделам гражданского права. В июне 1919 года расстрелян ЧК.

⁷⁸ То есть выпускнице Смольного института благородных девиц.

⁷⁹ Владиславлев Михаил Иванович (1840–1890 (по др. сведениям – 1889)), окончил духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию. Экстраординарный профессор (1868), декан историко-филологического факультета (1885), ректор Санкт-Петербургского университета (1887); действительный статский советник (1877). Был женат на племяннице Ф. М. Достоевского (дочери его брата Михаила).

⁸⁰ Гейне Генрих (1797–1856) – немецкий поэт, публицист и критик.

брат, имевший своим примером на меня всегда большое влияние. Это решение облегчалось и тем, что в моей личной жизни мне было ясно, что мне придется креститься: я не сомневался в том, что кузина-подросток, которую я очень любил, станет моей женой. Она уже родилась православной (ее родители крестились в молодости), и чтобы на ней жениться, мне придется креститься. Что могло случиться иначе, чем я намечал, мне и в голову не приходило. Я чувствовал в себе достаточно настойчивости, чтобы достигнуть того, что я желаю. Лучше сейчас проделать «процедуру крещения», думалось мне, чем ее откладывать, сразу поступить в Сенат, получить затем от университета заграничную командировку и добиваться кафедры. Можно было принять протестантство, но пастор требовал, чтобы я в течение месяца занимался у него так называемым «законом Божиим» и «готовился» к крещению. Лицемерить мне не улыбалось ради того, что я считал просто формальностью. Священник отец Слепян (сам происходивший из евреев) согласился без всяких формальностей и «обучения» выдать мне метрику о крещении⁸¹.

И так я оказался с метрикой, устранявшей все препятствия на моем пути. Этому акту я не придавал особенного значения, и только впоследствии, вступив в адвокатуру и войдя в присяжные поверенные ранее моих товарищей-друзей, не крестившихся, я почувствовал себя неловко. Не было еще сожаления о содеянном (оно мне казалось неизбежным ввиду планов моей жизни), но уже было чувство человека, совершившего нечто такое, что лучше было бы избежать⁸².

Зачем я так подробно на этом остановился? Чтобы оправдаться? Быть может, да. Во всяком случае, чтобы объяснить. Этот акт, который **теперь** я бы ни за что не совершил, я тогда совершил почти машинально, как машинально устраняют ветку, преграждающую дорогу. Со временем – с возрастом – во мне проснулось и зрело сознание моей принадлежности к еврейству; это сознание проявилось с большей силой в эмиграции. До того я был так занят моей профессиональной работой, так захвачен сословными интересами, одно время (1904–1905 годы) так увлечен общероссийскими проблемами, что еврейский вопрос оказался вне моих повседневных интересов. Я никогда не скрывал своего еврейства, называл себя евреем, в анкетах писал: русский подданный, национальность – еврей, вероисповедание – православное.

Одно могу сказать: соображения карьерного характера мною – при принятии крещения – не руководили. Верная карьера, быть может, даже «блестящая», мне предстояла, если бы я пошел по тому пути, по которому пошли мои дядья, и использовал их громадные связи в банковских кругах. Та карьера, которую я хотел избрать, мне сулила скромное существование профессора в каком-либо университете. Когда я думал об адвокатуре, я тоже рассчитывал на очень скромную карьеру. У меня было твердое желание работать, и тем более сильное, что

⁸¹ Слепян Сергей Николаевич (Израиль Иосифович) (1852–1912) – сын богатого минского купца. Окончил коммерческое училище в Минске. В молодости эмигрировал в Англию, где принял христианство (вероятно, пресвитерианство). Вернувшись в Россию и приняв православие, стал вольнослушателем Санкт-Петербургской духовной академии. В 1891 году рукоположен в священники. Занимался благотворительной деятельностью: инициатор создания Общества трезвости во имя св. мученика Вонифатия (1890), товарищ председателя Санкт-Петербургского общества трезвости; инициатор создания дневных приютов для детей работающих родителей от 5 до 12 лет (1902); председатель основанного по его инициативе Сергиевского кружка трудовой помощи детям на Выборгской стороне (с 1906 года – Сергиевское общество трудовой помощи в Санкт-Петербурге) и др.

⁸² Звание присяжного поверенного (адвоката) введено в ходе судебных реформ 1860-х годов. Присяжные поверенные вели в суде гражданские и уголовные дела, поддерживали частные обвинения. Присяжными поверенными могли стать лица, получившие высшее юридическое образование, прослужившие не менее пяти лет по судебному ведомству или занимавшиеся такой же срок судебной практикой в качестве помощника присяжного поверенного. Присяжные поверенные приписывались к судебным палатам в соответствии с их местом жительства. Во время правления Александра III правительством были приняты меры к ограничению доступа евреев в адвокатуру. С 1889 года допуск в адвокатуру «лиц нехристианских исповеданий» производился только с разрешения министра юстиции по представлению советов присяжных поверенных. В 1915 году была введена процентная норма (от 5 до 15 %) для приема евреев в состав присяжных поверенных. Эти ограничения были отменены после Февральской революции 1917 года.

у меня не было веры в свои способности. Я страдал в значительной мере тем, что называют теперь *complex d'identité* (*Minderwertigkeitskomplex*)⁸³.

Я был убежден в том, что совершенно не владею словом и что поэтому, если я уже решусь пойти в адвокатуру, то мне уготовлена судьба скромного цивилиста. О славе уголовного защитника, о которой мечтает каждый помощник присяжного поверенного, я и не смел думать.

Поэтому упреки, которые мне делались не в глаза (и за глаза) за мое крещение, не были справедливыми: я не искал карьеры. Я заслуживал лишь упрека в несознательности. Я помню, когда я уже был в адвокатуре, Грузенберг⁸⁴, с которым мы вместе как-то возвращались из суда, с присущей ему резкой откровенностью меня спросил: «Зачем Вы крестились? Это не хорошо». – Я ему объяснил, сославшись, главным образом, на мою женитьбу. – «Почему Вы это никому не объясняете? Ведь Вас за это осуждают!» В его глазах я оправдался, и наши отношения были неизменно дружескими, хотя и не близкими.

Впрочем, мое крещение на отношение ко мне сословия не отразилось; через год после вступления в адвокатуру я был избран членом Комиссии помощников присяжных поверенных. По выходе в присяжные поверенные я еще очень молодым адвокатом был совершенно неожиданно для себя избран руководителем конференции. На избрание мое в Совет⁸⁵ мое «крещение», быть может, отразилось. Я несколько лет был кандидатом, регулярно проваливаемым, может быть, еврейскими голосами, а вернее всего, я «проваливался» и потому, что моя слишком быстрая и успешная адвокатская карьера во многих вызвала сдержанное ко мне отношение. Когда я, наконец, прошел в Совет, я прошел без перебаллотировки (редкий случай в выборной практике при первом избрании) и подавляющим большинством (следовательно, и голосами евреев).

Я так подробно остановился на вопросе моего крещения потому, что чем старше я становился, тем более я сам себя за него осуждал, хотя не мог себе объяснить, как бы я мог поступить иначе, раз женитьба на моей двоюродной сестре мне казалась *conditio sine*⁸⁶ для ее и моего существования, а по тем условиям брак без моего крещения не был бы мыслим. Я думал, что было бы лучше, «красивее», если бы я, крестившись и вступив в адвокатуру, не использовал ни одного из тех преимуществ, которые мне дало крещение: я мог не брать свидетельств на ведение дел, не выйти в присяжные поверенные до тех пор, пока мои товарищи-евреи не достигли того же самого без крещения. Так, между прочим, поступил московский адвокат О. Б. Гольдовский, крестившийся при своей женитьбе на Хин⁸⁷. Но он был тесно связан с еврейством, ярко ощущал свою принадлежность к еврейству, во мне эти чувства проснулись лишь в эмиграции. Мне, по правде сказать, такой выход и в голову не приходил.

Произошло ли это от беспринципности моего характера? Мне кажется, что всею моей жизнью я доказал, что беспринципности в моем существе нет. И в частной жизни, и в адво-

⁸³ *Complexe d'identité* (фр.); *Minderwertigkeitskomplex* (нем.) – комплекс неполноценности.

⁸⁴ Грузенберг Оскар Осипович (Израиль Иосифович) (1866–1940) – знаменитый адвокат, общественный деятель. Окончил юридический факультет Киевского университета (1889); присяжный поверенный в Санкт-Петербурге (1905). Специализировался по политическим и уголовным делам, выступал защитником известных писателей, общественных и политических деятелей (в том числе М. Горького, В. Г. Короленко, К. И. Чуковского, П. Н. Милюкова и других). В 1913 году был одним из защитников на процессе по делу Бейлиса. См. о нем подробнее ниже, а также отдельную новеллу (ч. 2, гл. 4).

⁸⁵ Совет присяжных поверенных.

⁸⁶ *Conditio sine qua non* (лат.) – необходимое условие.

⁸⁷ Гольдовский Онисим Борисович (1865–1922) – адвокат, публицист, один из основателей партии кадетов. Принял лютеранство для заключения брака с писательницей Рашель Мироновной Хин (1863–1928; в первом браке Фельдштейн, для развода с мужем в 1880-х годах приняла католичество). «Христианин Гольдовский, казалось, сразу должен был освободиться от существовавших для евреев-адвокатов ограничений и приобретал возможность выйти разом из помощников в присяжные поверенные. Однако таковым правом он не воспользовался, давая тем самым понять, что в своем “романическом” крещении материальной выгоды не искал. И оставался в рядах помощников до самого конца 1905 года, когда все евреи, отбывшие пятилетний стаж помощничества, вышли в полноправные члены адвокатского сословия» (Бердников Л. Защитник беззащитных. Исторический очерк // «Новый Берег» 2016. № 5. С. 4). См. о нем отдельную новеллу (ч. 2, гл. 4).

катуре я не отступал от того, что считал правильным, и не поступался своими принципами и правилами морали ни ради материальных, ни ради «иных каких-либо выгод». В корыстолюбии меня тоже нельзя упрекнуть. Коллеги и мои помощники меня часто упрекали в непрактичности и в неумении «брать гонорары». Эти «упреки» были правильны.

Как бы то ни было, когда я попал в эмиграцию, я сбросил с себя то, что я так несознательно набросил на свою жизнь и что считал и считаю крупнейшим своим прегрешением. Я так же несознательно, как при принятии крещения, с первого дня эмиграции, не задумываясь, записал себя евреем, а жену, как она того желала, православной. Дети этого не знали, но сын по собственному почину, вступив в университет, на вопрос о вероисповедании записал «mosaisch»⁸⁸, так же затем поступила и дочь.

Я знаю, что сын мой как-то в разговоре с матерью ставил мне в упрек мое крещение христианином, и тот же сын мой, не задумываясь, отказался от русского гражданства и добился германского подданства и, утратив германское (при Гитлере), приобрел американское гражданство. Я его в этом не виню, понимая, что у него не было никакой связи с Россией, которую он оставил 16-летним мальчиком. Я чувствовал и чувствую свою связанность с Россией, и, несмотря на предложение, которое я имел от литовского правительства (должность посланника, если приму литовское подданство), я от подданства отказался. Когда мне польский консул в Берлине, с которым мне пришлось столкнуться, указал, что я, как уроженец Соколок, могу без всяких затруднений получить польское гражданство и что они особенно будут рады меня принять, я без всяких колебаний отказался и от этого предложения, несмотря на многие выгоды, которые предоставляло это подданство, облегчавшее передвижения по Европе. Я не мог и не могу себе представить, что я, работавший в России и для России, приму **чужое** мне гражданство.

Приведу еще один факт. В 1918 году после Брестского мира большевики должны были назначить своего судью в тот, предусмотренный по Брестскому трактату, арбитражный суд, который должен был заседать в Берлине и разбирать возникающие по трактату гражданско-правовые споры. Суд должен был состоять из двух судей, по одному от России и от Германии, и из суперарбитра, назначаемого нейтральной страной. Мне позвонил один присяжный поверенный и сообщил мне, что большевики в большом затруднении: не могут найти среди своих лицо, удовлетворяющее требованиям, которые ставят суды: знание иностранных языков, юридическая подготовка и опыт и приличная репутация – требования, на которых настаивают немцы. Не согласился бы я принять это назначение: пребывание в Берлине, жалование 1000 марок в месяц, право взять с собой не только жену и детей, но и ближайших родных, входящих в семью (родителей, братьев...), и столько вещей, сколько пожелаю. Коллега довольно явственно намекнул, что таким путем можно выбраться из России, а затем отказаться от должности. Как мне ни хотелось уехать, я категорически и не задумываясь отклонил это предложение. Я не мог и не хотел изменить своей политической антибольшевистской установки, не желал также бросить работу в Совете присяжных поверенных, где на мне лежали взятые на себя обязанности. Чудовищным мне показалось предложение быть двойным изменником: сначала себе, а потом моим новым «работодателям» большевикам.

На этом заканчиваю вопрос, так меня беспокоивший. Пусть, кто захочет, меня осуждает за этот шаг.

⁸⁸ Mosaisch (нем.) – Моисеевой веры.

Дмитрий Львович Рубинштейн⁸⁹

Приблизительно в 1903–1904 годах я стал юрисконсультom Управления делами <...> Великих князей [Кирилла, Бориса и Андрея Владимировичей]. У них не было Конторы по управлению их делами, как у Великих князей Владимира Александровича, Николая Николаевича⁹⁰ и др. «Контора» являлась учреждением, в силу закона предоставлявшимися членам императорской семьи, от своего имени действовавшим, выдававшим доверенности, заключавшим от своего имени договоры и т. п. «Управления» не были самостоятельными органами; акты доверенности совершались самими Великими князьями или по их доверенности. Управляющий же Конторой действовал в силу назначения его на эту должность, без особой доверенности. Разница между Конторой и Управлением в силу этого проявлялась и в том, что иски предъявлялись от имени либо против Конторы, но при наличии Управления от имени или против данных Великих князей лично. Впрочем, служащие как в Конторах, так и в Управлениях значились чиновниками по Министерству Двора.

Получил я это юрисконсульство случайно. Я по чьей-то претензии был избран в Конкурсное управление по делам Михайловского горнозаводского общества. Одним из членов Конкурсного управления был полковник Семеновского гвардейского полка Петр Нилович **Карцов**⁹¹, управляющий делами Великих князей Кирилла, Бориса и Андрея Владимировичей⁹². Великие князья имели значительную претензию к несостоятельному Обществу. Однажды после заседания Конкурсного управления, проходившего в помещении Управления Великих князей, Карцов попросил меня остаться и заговорил о делах Управления. Он мне объяснил, что юридические дела их несколько запутаны. Великий князь Андрей Владимирович вступил в какие-то Управлению не совсем ясные финансовые дела с неким **Д. Л. Рубинштейном**⁹³. Дела эти вызывают тревогу как в Управлении, так и у самого Великого князя. У них имеются и другие имущественные дела, требующие юридического контроля. По просьбе Великих

⁸⁹ Текст включает отрывки из двух глав второй части «Воспоминаний русского адвоката»: «Великие князья: Кирилл, Борис и Андрей Владимировичи. Великий князь Николай Михайлович» и «Д. Л. Рубинштейн».

⁹⁰ Владимир Александрович, вел. кн. (1847–1909) – третий сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны; младший брат Александра III. Член Государственного совета (1872), сенатор (1868); генерал-адъютант (1872), генерал от инфантерии (1880). Николай Николаевич (младший), вел. кн. (1856–1929) – первый сын вел. кн. Николая Николаевича (старшего) и вел. кн. Александры Петровны (урожд. принцессы Ольденбургской), внук Николая I. Генерал-адъютант (1894), генерал от кавалерии (1900); верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Российской империи (1914–1915 и март 1917); наместник Его Императорского Величества на Кавказе, главнокомандующий Кавказской армией (1915–1917).

⁹¹ Карцов Петр Нилович (? (до 1867) – 1910) – полковник лейб-гвардии Семеновского полка.

⁹² Борис Владимирович, вел. кн. (1877–1943) – третий сын вел. кн. Владимира Александровича и вел. кн. Марии Павловны, внук императора Александра II. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1896). Участник Русско-японской войны. Генерал-майор Свиты Его Величества (1914). С 1919 года в эмиграции в Париже. Андрей Владимирович, вел. кн. (1879–1956) – четвертый сын вел. кн. Владимира Александровича и вел. кн. Марии Павловны, внук Александра II. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1902) и Александровскую военно-юридическую академию (1905). Сенатор, не присутствующий в департаментах (1911). Участник Первой мировой войны. Генерал-майор Свиты Его Величества (1915). В эмиграции с 1920 года во Франции. Был женат (регистрация брака состоялась много позднее, в 1921 году) на балерине Матильде Кшесинской.

⁹³ Рубинштейн Дмитрий Леонович (Львович) (1876–1937) – банкир, адвокат, биржевой делец, основатель и распорядитель Русско-французского банка в Петербурге, член правления Санкт-Петербургского частного коммерческого банка (1907–1908), директор правления общества Петро-Марьевского и Варвароплесского объединения каменноугольных копей, страхового общества «Якорь» и многих других. Владел значительной частью акций газеты «Новое время». Был близок с Григорием Распутиным. Выступал кредитором правительства. Один из самых колоритных представителей финансовых кругов Петрограда, известный в обществе как Митька Рубинштейн. В 1916 году был арестован по подозрению в пособничестве неприятелю и выслан в Псков: ему инкриминировались продажа русских процентных ценных бумаг, находившихся в Германии, через нейтральные страны во Францию; продажа акций общества «Якорь» германским предпринимателям; взимание высоких комиссионных за сделки по русским заказам, выполнявшимся за границей, и пр. Его деятельность расследовалась комиссией генерала Н. С. Батюшина. Был освобожден в конце того же года благодаря заступничеству императрицы Александры Федоровны.

князей к Управлению был откомандирован по повелению Государя помощник юрисконсульта Министерства финансов (я его знал, но забыл фамилию). Этому юристу, очень почтенному и сведущему, но лишенному всякого делового опыта, их дела не по плечу. Они получают от него юридические заключения, но ни одного практического совета. Перед возникающими у них затруднениями он совершенно беспомощен. По соглашению с ним (он не получал у них жалованье), они решили его заменить практическим адвокатом и обратиться ко мне. Если я соглашусь, Великий князь Андрей Владимирович испросит разрешение Государя на замену «казенного» юрисконсульта поверенным по найму. Я охотно согласился. Мне предложено было жалованье в 150 рублей в месяц (больше средства Управления не позволяли), но я имел право на отдельное вознаграждение по каждому судебному делу, особенно сложному договору или вообще выходящему из ряда обычных консультаций делу. Согласие Государя было получено, и я вступил в исправление своих обязанностей. Это было летом. Я поверхностно ознакомился с делами Управления. У Великих князей было немалое имущество, недвижимое и движимое; были участия в горных и промышленных предприятиях; были, наконец, весьма неясные деловые отношения Великого князя Андрея Владимировича с Рубинштейном. Об этих делах Управление очень мало знало, так как дела с Рубинштейном вел сам Великий князь Андрей Владимирович. Великий князь Кирилл Владимирович жил за границей (как я впоследствии узнал, он был в опале и не имел права возвращения в Россию из-за женитьбы на разведенной жене брата императрицы⁹⁴). Великий князь Борис Владимирович делами Управления не интересовался. Как мне объяснил Карцов, мне придется иметь дело пока исключительно с Великим князем Андреем Владимировичем. Великий князь Андрей Владимирович был в лагере, я уехал, как обычно, в конце июня за границу, и мое знакомство с Андреем Владимировичем состоялось лишь осенью. Великий князь Андрей Владимирович занимал особняк на Английской набережной, купленный им от **Дервиза** после его разорения⁹⁵. Я приехал с Карцовым. Нас провели в большую мрачную комнату парадной столовой, где кожаные кресла еще сохранили монограммы барона Дервиза. Мы недолго ждали и были приняты Великим князем в его громадном светлом кабинете в шесть окон, выходивших на набережную Невы. Кабинет был уставлен разнообразной хорошей мебелью с массой мелких ценных вещей – ящичков, пепельниц, фигур, ваз, расставленных по столикам, полкам, каминам. Великий князь оказался совсем молодым человеком, блондином с маленькими усиками, приятным лицом и приветливыми манерами. Одет он был в серую военную тужурку. Говорил он высоким фальцетом, находившимся в противоречии с его высокой фигурой. Наша первая беседа ограничилась общими фразами. Он мне сообщил, что он сам юрист – кончил Военно-юридическую академию. Особенно тепло он вспоминал профессора **Гольмстена**⁹⁶, читавшего гражданское право и процесс. Затем он попросил меня в ближайшие дни побывать у него для беседы «по некоторым делам». Это вызвало явное неудовольствие Карцова, сообщившего мне на обратном пути, что речь будет о Рубинштейне и что Великий князь, очевидно, не желает его, Карцова, посвящать

⁹⁴ В октябре 1905 года вел. кн. Кирилл Владимирович (1876–1938) вступил в брак со своей двоюродной сестрой Викторией Мелитой Саксен-Кобург-Готской (1876–1936), по отцу – внучкой королевы Виктории, по матери – императора Александра II, разведенной супругой герцога Эрнста Гессен-Дармштадтского. Брак не был разрешен императором Николаем II, и невеста не собиралась принимать при заключении брака православной веры. Помимо этого брак столь близких родственников противоречил православным канонам и тем самым не допускался гражданским правом Российской империи. По распоряжению Николая II Кирилл Владимирович был лишен всех постов и привилегий члена императорской семьи, супругам было запрещено проживать в России.

⁹⁵ Особняк П. П. фон Дервиза (Английская набережная, 28). Приобретен в 1889 году вдовой железнодорожного магната П. Г. фон Дервиза (1826–1881). Спустя год перешел к ее младшему сыну – П. П. фон Дервизу (1870–1943). В 1903 году продан за 400 тыс. руб. вел. кн. Андрею Владимировичу.

⁹⁶ Гольмстен Адольф Христианович (1848–1920) – ординарный профессор, декан юридического факультета и ректор Санкт-Петербургского университета; ординарный профессор Военно-юридической академии по кафедре гражданского права; член Санкт-Петербургского юридического общества; член комиссии для собирания юридических обычаев при Императорском русском географическом обществе.

во все детали дела. Так оно и оказалось. Наша ближайшая беседа, на которую я уже явился один, была о деле Рубинштейна. Великий князь поведал мне всю «историю», как он выразился. У него была на очень крупную сумму облигация персидского золотого займа. Заем этот, гарантированный русскою казною, не был публично реализован, а размещен между членами императорской фамилии с обязательством не выпускать его на рынок. Реализовать его можно было только в Государственном банке, а эта реализация наталкивалась постоянно на категорический отказ Министерства финансов. Он рассказал это Рубинштейну, с которым познакомился по поводу продажи своего имени Крестьянскому поземельному банку⁹⁷. Рубинштейн взялся за реализацию персидского займа и прибег к очень простой, но никому не приходившей в голову комбинации. Он отвез бумаги в Берлин к **Блейхредеру** (известному банкиру)⁹⁸, который уже от своего имени представил облигации (которым срок уже истек) к оплате русскому Министерству финансов. Министр финансов рвал и метал, но не мог отказать Блейхредеру, который мог и не знать об условии, тяготевшем на владельце облигаций, – облигации были оплачены. Уверовав в финансовые способности Рубинштейна, Великий князь последовал его совету и внес вырученные от персидского займа деньги срочным вкладом в **Частный коммерческий банк**⁹⁹. Вскоре после этого Рубинштейн был избран членом правления этого банка и занял в нем влиятельное положение. О банке пошли неблагоприятные слухи, и Великий князь стал тревожиться за судьбу своих денег. Одновременно Рубинштейн вовлек Великого князя в ряд предприятий, акции которых Великий князь приобрел. Об этих предприятиях Великий князь не имел ни малейшего представления. Задача, которую мне поставил Великий князь, усомнившийся в Рубинштейне, сводилась к тому, чтобы развязать его с Рубинштейном и получить из банка вклад обратно. Великий князь дал мне понять, что Управление не было в курсе этих дел, которые он вел самостоятельно, что он желал бы получать от меня сообщения по делу непосредственно, а не через Управление.

⁹⁷ Несколько лет спустя, когда мы ближе познакомились, Великий князь мне рассказывал, что на его прошение в Крестьянский банк с предложением продать имение Государь сделал надпись о желательности приобретения этого имения Крестьянским банком. Тем не менее банк от приобретения имения отказался. Великому князю рекомендовали обратиться к посреднику – Д. Л. Рубинштейну, который за комиссию в несколько процентов устроил покупку имения Крестьянским банком. Великий князь с добродушным смехом говорил мне: «Не к Государю надо было обращаться, а сразу к Рубинштейну, который, очевидно, имеет большее влияние в Крестьянском банке» (*примеч. Б. Л. Гершуна*).

⁹⁸ Блейхредер Герсон, фон (*нем.* Bleichröder Gerson) (1822–1893), немецкий банкир («банкир Бисмарка»). Выполнял в том числе политические миссии при Министерстве иностранных дел.

⁹⁹ Санкт-Петербургский частный коммерческий банк – первый российский акционерный коммерческий банк (1864). С 1900 года банк испытывал значительные затруднения, которые удалось преодолеть только после 1910 года благодаря помощи Министерства финансов и привлечению крупных французских инвесторов. В последние годы своей деятельности активно взаимодействовал с Русско-Азиатским банком. Входил в первую десятку крупнейших банков России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.